

Бронислав
Малиновский

Избранное:
Аргонавты
западной части
Тихого океана

Книга Света

Бронислав Малиновский

**Избранное. Аргонавты
западной части Тихого океана**

«ЦГИ Принт»

УДК 03.29
ББК 71.0

Малиновский Б.

Избранное. Аргонавты западной части Тихого океана /
Б. Малиновский — «ЦГИ Принт», — (Книга Света)

Б. Малиновский (1884–1942) – английский этнограф и социолог польского происхождения, один из основателей и лидеров функциональной школы в английской социальной антропологии. В настоящей работе Малиновский сосредоточен на этнографической деятельности тробрианских островитян; но со свойственной ему широтой взглядов и тонкостью восприятия пытается показать, что обмен ценностями обитателей Тробрианских и других островов ни в коей мере не является чисто коммерческой деятельностью; он показывает, что обмен удовлетворяет эмоциональные и эстетические потребности. Это позволяет ему подвергнуть критике концепцию «экономического человека». Характерным для методики Малиновского является то, что он в полной мере учитывает всю сложность человеческой природы. Он видит человека многомерным, раскрывает как эмоциональную, так и рациональную основу человеческой деятельности. Самое яркое впечатление на читателя произведет исследование влияния магии на всю жизнь и мышление тробрианских островитян. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 03.29
ББК 71.0

© Малиновский Б.
© ЦГИ Принт

Содержание

Джеймс Дж. Фрэзер	6
Вступительное слово автора	11
Благодарности	13
Заметки о произношении	15
Введение	16
I	16
II	18
III	20
IV	22
V	24
VI	26
Хронологический список связанных с кула событий, свидетелем которых был автор	29
VII	30
VIII	34
IX	36
Глава I	37
I	37
II	39
III	42
IV	46
V	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Бронислав Малиновский

Избранное: Аргонавты

западной части Тихого океана

© С. Я. Левит, составление серии, 2015

© В. Н. Порус, перевод, 2015

© Центр гуманитарных инициатив, 2015

* * *

*...не искать никакой науки кроме той, какую можно найти в себе
самом или в громадной книге света...*

Рене Декарт

Джеймс Дж. Фрэнсер

Предисловие

Мой уважаемый друг, д-р Б. Малиновский попросил меня написать предисловие к его книге, и я с удовольствием выполняю его пожелание, хотя думаю, что мои слова едва ли добавят ценности тому замечательному описанию антропологических изысканий, которое он дал в этой книге. Мои же замечания будут касаться отчасти метода, а отчасти предмета этого исследования.

Что касается метода, то д-р Малиновский, как мне представляется, работал в самых благоприятных условиях, которые до некоторой степени были рассчитаны так, чтобы принести наилучшие из возможных результатов. И его теоретическая подготовка, и его практический опыт таковы, что он превосходно подготовлен для выполнения своей задачи. Доказательством его теоретической компетентности послужило его продуманное и глубокое исследование семейных отношений аборигенов Австралии¹. Не менее убедительным свидетельством его практического опыта является описание племени майлу из Новой Гвинеи, основанное на опыте шестимесячного его пребывания среди людей этого племени². На островах Тробриан, к востоку от Новой Гвинеи, ставших впоследствии объектом его внимания, д-р Малиновский много месяцев жил среди туземцев как туземец, ежедневно наблюдая их в труде и в играх, разговаривая с ними на их языке и черпая всю свою информацию из самых верных источников – из своих личных наблюдений и из того, что непосредственно рассказывали ему сами туземцы, которых он понимал без вмешательства переводчика. Так он и собрал имеющий большую научную ценность огромный материал о социальной, религиозной и хозяйственной или производственной жизни тробрианских островитян. Результаты этих исследований в полном виде он надеется и намеревается опубликовать позже; пока же в этой книге он предлагает нашему вниманию предварительное исследование того интересного и своеобразного аспекта тробрианского общества, каким является замечательная система обмена (лишь отчасти экономическая или торговая по своему характеру), которой тробрианцы пользуются в отношениях между собой и с обитателями соседних островов.

Почти нет никакой необходимости убеждать нас в той фундаментальной важности, которую имеют экономические силы на всех стадиях развития человечества – от низших до высших. В конечном счете все разновидности человеческих существ являются частью животного мира и в этом своем качестве подобно животным существуют на материальном основании: лишь на нем могут строиться высшие формы жизни, то есть интеллектуальная, моральная и общественная жизнь, а без него никакая из такого рода надстроек не была бы возможной. Именно это материальное основание, из необходимости добывать пищу, обеспечивать какое-то тепло и укрытие от стихий, и составляет экономический базис, является первичным условием человеческой жизни. И если до сих пор антропологи чересчур им пренебрегали, как мы можем предположить, происходило это скорее потому, что их привлекали высшие проявления человеческой природы, нежели потому, что они сознательно игнорировали или недооценивали значение и сущностную необходимость низших ее проявлений. В оправдание выказываемого ими пренебрежения можно сказать, что антропология – еще молодая наука и что множество проблем, ждущих своего исследования, не могут быть изучены сразу, но каждую из них нужно рассматривать последовательно, одну за другой. Как бы то ни было, но д-р Малиновский посту-

---

¹ The Family among the Australian Aborigines. A Sociological Study, L., University of London Press, 1913.

² The Natives of Mailu: Preliminary Results of the Robert Mond Research Work in British New Guinea // Transactions of the Royal Society of South Australia, 1915. Vol. XXXIX.

пил правильно, подчеркнув исключительную важность примитивной экономики, для чего он сделал замечательную систему обмена между тробрианскими островитянами предметом специального анализа.

Кроме того, он совершенно справедливо не ограничился одним только описанием процессов обмена, но еще и углубился в анализ как тех мотивов, которые лежат в его основании, так и тех переживаний, которые этот обмен вызывает у туземцев. Иногда полагают, что социология в ее чистом виде должна ограничиваться описанием действий, а исследование мотивов и ощущений она должна оставлять психологии. Нет сомнений в том, что анализ мотивов и ощущений логически отличен от описания действий и что, строго говоря, он принадлежит сфере психологии; однако на практике действие не имеет для наблюдателя никакого смысла до тех пор, покуда он не узнает или не начинает догадываться о мыслях и эмоциях того или иного человека. Следовательно, просто описывать совокупности событий, не указывая при этом на состояние ума того, кто действует, значит не выполнять основную цель социологии, состоящую в том, чтобы не только фиксировать, но еще и понимать действия человека в обществе. И значит, социология не выполнит своей задачи, если не будет обращаться к постоянной помощи психологии.

Характерным для метода д-ра Малиновского является то, что он в полной мере учитывает всю сложность человеческой природы. Он видит человека, так сказать, многомерным, а не одномерным. Он помнит о том, что человек является продуктом эмоций по крайней мере в той же степени, что и продуктом разума, и он постоянно стремится раскрыть как эмоциональную, так и рациональную основу человеческой деятельности. Ученый, равно как и литератор, слишком склонен рассматривать человека лишь абстрактно, выбирая для своего рассмотрения лишь одну сторону нашего сложного и многостороннего бытия. Ярким примером этой односторонней трактовки человека – среди великих писателей – является Мольер. Все его персонажи представлены одномерно: один из них – скупец, другой – лицемер, третий – вертопрах и так далее, но ни одного из них нельзя назвать человеком. Они лишь манекены, наряженные так, чтобы походить на людей, хотя сходство это лишь поверхностно, потому что внутри они пусты, ничем не заполнены, ибо истина человеческой природы принесена в жертву литературному эффекту. Совершенно по-иному человеческая природа представлена в книгах таких великих художников, как Шекспир или Сервантес; характеры их героев полновесны, потому что они не односторонни, а многомерны. Несомненно, что в науке доля абстракции не только оправдана, но и совершенно необходима, ибо наука – это не что иное, как достигшее своей высшей силы знание, а всякое знание предполагает наличие процесса абстракции и обобщения: даже и того человека, которого мы видим ежедневно, можно узнать только на основе той определенной абстрактной идеи о нем, которая возникает в результате обобщенных наблюдений над ним в прошлом. Поэтому науке о человеке приходится абстрагировать определенные аспекты человеческой природы и рассматривать их в отрыве от конкретной действительности. Или же она распадается на ряд научных дисциплин, каждая из которых рассматривает какую-то отдельную часть сложной организации человека, будь то физический, интеллектуальный, нравственный или социальный аспекты его бытия, а те общие выводы, к которым придет наука, будут представлять более или менее неполный образ человека в целом, поскольку те черты, из которых эта картина складывается, по необходимости выбраны из массы прочих. В настоящей работе д-р Малиновский преимущественно озабочен тем, что, на первый взгляд, кажется чисто экономической деятельностью тробрианских островитян; однако он, со свойственной ему широкой взглядов и тонкостью восприятия, пытается показать, что тот любопытный обмен ценностями, который имеет место среди обитателей Тробрианских и других островов, ни в коей мере не является чисто коммерческой деятельностью в том случае, если ему сопутствует обычная торговля; он показывает, что обмен этот не основан на простом расчете и на полезности, прибыльности или убыточности, но что он удовлетворяет эмоциональные и эстетические

потребности, которые на порядок выше простого удовлетворения животных желаний. Это позволяет д-ру Малиновскому подвергнуть строгой критике концепцию «экономического человека», согласно которой дикарь представляется своего рода пугалом, которым все еще страшат со страниц учебников по экономике, причем образ этот оказывает свое вредоносное воздействие даже и на некоторых антропологов. Это, обряженное в ветхие одеяния Иеремии Бентама и г-на Грэдгринда (Gradgrind), пугало побуждается к действию, судя по всему, одним лишь «презренным металлом», в постоянных поисках которого он пребывает, причем, по мнению Спенсера, действует он по принципу наименьшего сопротивления. Поскольку этот гнетущий и вымышленный образ принимается даже и серьезными учеными, полагающими, что он не только является полезной абстракцией, но еще и имеет своего реального двойника в обществе дикарей, то описание *кула*, которое дал нам д-р Малиновский в этой книге, должно помочь нам одолеть этого монстра. Малиновский доказывает, что торговля предметами потребления, являющаяся частью системы *кула*, в сознании туземцев совершенно подчинена (с точки зрения значимости) обмену иными предметами, которые не служат никаким утилитарным целям вообще. В качестве сочетания торгового предприятия, социальной организации, мифологического основания и магического ритуала, не говоря уже о широком географическом размахе этих операций, этот особый институт не имеет, судя по всему, аналогов в существующих этнографических описаниях; однако, открыв его, д-р Малиновский может с полным правом предполагать, что это тип института, аналогии которому (если не точные подобию) будут выявлены в дальнейших исследованиях диких и варварских племен.

Не менее интересной и поучительной чертой *кула* (в том виде, в каком ее описал для нас д-р Малиновский), является та необычайно важная роль, которую, судя по всему, играет в этом институте магия. Из этого описания следует, что в сознании туземцев совершение магических обрядов и произнесение магических слов совершенно необходимы для успешности всего предприятия во всех его фазах – начиная от рубки тех деревьев, из которых предстоит выдалбливать лодки (сапое), вплоть до того момента, когда после успешного завершения экспедиции судно со своим ценным грузом готово отправиться в обратный путь домой. По ходу дела мы узнаем, что церемонии и магические заклинания не менее необходимы и для успехов в земледелии и ловле рыбы, то есть в двух формах хозяйственной деятельности, которые являются для островитян основными средствами поддержания жизни. Потому-то огородный маг, который при помощи магических действий должен обеспечить произрастание огородных культур, и является одним из самых значительных людей в деревне, по своему социальному престижу непосредственно следуя за вождем и колдуном. Короче говоря, магия считается наисущественнейшим дополнением каждого хозяйственного предприятия, столь же необходимым для его успешности, как и все связанные с ним механические операции – такие как конопаченье, раскраска и спуск на воду лодки, возделывание огородов или устройство загонов для рыбной ловли. «Вера в магию, – пишет д-р Малиновский, – является одной из главных психологических сил, позволяющих организовать и систематизировать экономическую деятельность тробрианцев».

Этого ценного представления о магии как о том факторе, который имеет фундаментальное экономическое значение для обеспечения благосостояния и, по сути, для самого существования общины, было бы вполне достаточно для того, чтобы развенчать ошибочное мнение о том, что магия, в противоположность религии, по самой своей природе сущностно антисоциальна и зловредна, поскольку она якобы используется человеком для достижения его собственных, эгоистических целей, и во вред его личным врагам при полном игнорировании ее воздействия на благосостояние общества. Магия, несомненно, может использоваться и так; вероятно, она так и впрямь использовалась во всех частях света. На Тробрианских островах верят, что подобным же образом она используется в неблагоприятных целях теми колдунами, которые вселяют в туземцев глубочайший страх и постоянное волнение. Однако сама по себе магия

ни благотворна, ни вредна; просто она является воображаемой силой контроля над силами природы, и контроль этот может осуществляться магом как во зло, так и во благо, как на пользу, так и во вред отдельным людям и обществу. В этом отношении магия находится в том же положении, что и наука, побочной сестрой которой она является. Ведь и ученые тоже сами по себе не добры, и не злы, но они порождают или добро, или зло в зависимости от того, как именно наука применяется. Было бы, например, абсурдным обвинять фармакологию в антисоциальности потому, что знания о свойствах лекарств зачастую используются и во вред человеку, и для его исцеления. Таким же абсурдным было бы пренебрегать благотворным использованием магии и считать ее применение во вред людям тем характерным качеством, которое определяет ее суть. Те природные процессы, над которыми наука осуществляет реальный, а магия – воображаемый контроль, ни в коей мере не испытывают влияния моральных качеств человека, который использует свое знание для того, чтобы привести их в движение. Действие лекарств на человеческий организм всегда остается одним и тем же, независимо от того, кто их дает – врач или отравитель. Природа и наука, ее служанка, по отношению к морали не дружелюбны, но и не враждебны; они просто безразличны к морали и в равной мере готовы служить как святому, так и грешнику: стоит только тому или иному дать им соответствующий приказ. Если пушки правильно заряжены и правильно нацелены, то огонь батареи будет в равной мере разрушительным независимо от того, кто из них стреляет – защищающие свою страну патриоты или развязавшие несправедливую агрессию захватчики. Ошибочность разграничения науки или военного искусства в зависимости от их применения или нравственных целей того, кто их применяет, достаточно очевидна на примерах с фармацевтикой или артиллерией; то же самое (хотя и не с такой очевидностью) можно сказать и о магии.

Огромное влияние магии на всю жизнь и мышление тробрианских островитян является, возможно, тем аспектом книги д-ра Малиновского, который произведет на читателя самое яркое впечатление. Автор говорит нам, что «магия как попытка человека непосредственно, с помощью особого знания управлять силами природы пронизывает собою на Тробрианах буквально все и обладает всеобщим значением», что магия «вошла в состав всех многочисленных хозяйственных и социальных сфер деятельности», что «все эти данные, которые были столь тщательно собраны, выявляют необычайную важность магии в системе *кула*. Но если вставал вопрос исследования какого-либо иного аспекта племенной жизни этих туземцев, то также обнаруживалось, что, приступая ко всякому имеющему жизненное значение делу, они всегда прибегают к помощи магии. Без преувеличения можно сказать, что магия, в соответствии с их представлениями, управляет судьбами людей; наделяет человека способностью повелевать силами природы и является его оружием и защитой в борьбе с теми многочисленными опасностями, которые окружают его со всех сторон».

Итак, по мнению тробрианских островитян, магия является той силой, которая имеет чрезвычайную возможность для совершения как дурных, так и благих дел: она может и дать человеку жизнь, и отнять ее у него, она может как поддерживать и защищать человека и сообщество, так и истреблять их. По сравнению с этим всеобщим и глубоко укорененным убеждением вера в существование духов умерших оказывает на жизнь этих людей, судя по всему, совсем небольшое влияние. В противовес общему отношению дикарей к душам умерших, тробрианцы, согласно автору, почти совершенно свободны от страха перед духами. Они и впрямь верят в то, что духи предков раз в году возвращаются в свои деревни для того, чтобы принять участие в большом ежегодном празднике; но «в общем-то духи не оказывают на людей большого влияния – ни хорошего, ни плохого»; «там нет никакого взаимовлияния, никакого тесного сотрудничества между человеком и духом, составляющего суть религиозного культа». Это очевидное преобладание магии над религией по крайней мере в отношении культа мертвых является в высшей степени знаменательной чертой культуры людей, которые находятся на сравнительно высоком уровне развития примитивного общества, каковыми являются тро-

брианские островитяне. Это является свежим доказательством необычайной силы и укорененности той повсеместно распространенной иллюзии, которая владела и все еще владеет умами людей.

Об отношении магического и религиозного у тробрианцев мы, несомненно, узнаем из полного описания тех исследований, которые д-р Малиновский провел на этих островах. Принимая во внимание то терпение, с которым он изучал один только институт их жизни, а также то богатство подробностей, которыми он уснастил свое описание, мы можем судить о размерах и ценности того более обширного труда, который он сейчас готовит. Он обещает быть одним из наиболее полных и наиболее научных описаний, дававшихся когда-либо о диких племенах.

Дж. Дж. Фрэзер
Темплъ, Лондон
7 марта 1922 г.

Вступительное слово автора

*Моему другу и учителю профессору, члену Королевского общества,
К. Г. Зелигману посвящаю*

Этнология находится в печально-неясном, если не сказать трагичном, положении, которое состоит в том, что всякий раз, когда бы она ни начинала упорядочивать свой инструментарий, разрабатывать свои собственные методы и готовилась приступить к достижению намеченной цели, к разработке определенных задач, предмет ее изучения с отчаянной быстротой куда-то исчезает. Именно теперь, когда методы и цели научно-полевой этнологии уже оформились и когда подготовленные к этой работе люди стали предпринимать путешествия в населенные дикарями страны и начали изучать обычаи их обитателей, последние прямо на наших глазах вымирают.

Исследования, проводившиеся среди туземных племен людьми со специальной научной подготовкой, со всей очевидностью показали, что исследование на основе научного метода может принести куда более качественные и куда более полные результаты, чем те, которые содержатся даже в самых лучших работах любителей. Во многих, если не во всех современных научных описаниях открываются достаточно новые и неожиданные аспекты племенной жизни. Они представили нам ясную картину социальных институтов – зачастую поразительно многообразных и сложных; они показали нам туземца таким, каков он есть – туземца с его магическими верованиями и практикой. Они позволили нам проникнуть в его сознание гораздо глубже, чем это имело место когда-либо прежде. Из этого нового, отмеченного научностью, материала исследователи сравнительной этнологии уже смогли извлечь весьма важные выводы о происхождении человеческих обычаев, верований и институтов, об истории культур, их распространении и контактах; о законах как человеческого поведения в обществе, так и человеческого сознания.

Надежда создать новый образ дикого человека усилиями ученых специалистов мерцает перед нами, как мираж, исчезающий почти в тот же миг, когда он появляется. И хотя пока еще имеется значительное количество туземных обществ, доступных для научного исследования, но через одно-два поколения и они сами, и их культуры практически исчезнут. Потребность в энергичных действиях настоятельна, а времени слишком мало. До сих пор, к сожалению, адекватного интереса общественности к этим исследованиям не наблюдалось. Работников мало, и общество их почти не поощряет. Поэтому я не вижу необходимости оправдывать тот вклад в этнологию, который является результатом специфических исследований в этой сфере.

В этой книге я рассказываю лишь об одной фазе жизни дикарей, представляя описание некоторых форм межплеменных торгово-обменных отношений между туземцами Новой Гвинеи. Это описание было задумано в виде предварительной монографии, основанной на этнографическом материале, охватывающем племенную культуру одного региона в целом. Одним из первых условий приемлемого этнографического труда является, несомненно, то, что он должен охватывать совокупность проблем социальных, культурных и психологических аспектов данного сообщества, поскольку они так переплетены между собой, что ни одного из них не понять, если не принять во внимание все остальные. Читатель этой монографии отчетливо увидит, что хотя ее главной темой является экономика (поскольку речь идет о предприятиях коммерческого характера, об обмене и торговле), но приходится делать постоянные ссылки на социальную организацию, силу магии, на мифологию и фольклор, а по сути – и на все другие аспекты культуры так же, как и на основной аспект.

Географически ареал, о котором говорится в этом исследовании, ограничен архипелагами, расположенными вблизи западной оконечности Новой Гвинеи. Но даже и в этих рамках

основой изучения послужил лишь один регион – Тробрианские острова. И вот они-то были исследованы досконально. Я жил на этом архипелаге в общей сложности около двух лет в ходе трех экспедиций на Новую Гвинею, во время которых я естественным образом основательно выучил туземный язык. Я работал совсем один и большую часть времени жил прямо в деревнях. А потому повседневная жизнь туземцев была у меня постоянно перед глазами; случайные и драматические события, смерти, ссоры, стычки между деревнями, общественные торжества или церемонии – все это не могло пройти мимо моего внимания.

При нынешнем состоянии этнографии, когда остается еще так много сделать для того, чтобы расчистить путь будущим исследованиям и определить их сферу, каждое новое исследование должно обосновывать свое появление по нескольким пунктам. Во-первых, оно должно выявлять тот или иной прогресс в методологии; во-вторых, оно должно расширить уже установленные границы или углубить их (или сделать и то, и другое), и, наконец, оно должно представлять свои результаты в строгой, но не сухой манере. Специалисты, которым интересен метод, замечания по его поводу найдут во «Введении» (разделы II–IX), а также в главе XVIII, где представлены и моя точка зрения, и мои представления о том, что я пытаюсь сделать в этом направлении. Читатель, которого больше интересуют результаты, чем способ их получения, в главах IV–XXI найдет последовательное описание экспедиций *кула* и разного рода связанных с ней обычаев и поверий. Исследователь, которого интересует не только само повествование, но и его этнографическая основа, а также четкое определение самого института *кула*, рассказ об этнографической основе обнаружит в главах I и II, а определение – в главе III.

Самую искреннюю признательность я выражаю г-ну Роберту Монду (Robert Mond). Именно его щедрой поддержке я обязан тем, что в течение нескольких лет я имел возможность проводить те исследования, частичным результатом которых явилась эта книга. Г-ну Этли Ханту (Atlee Hunt), секретарю Министерства внутренних дел и территорий Австралии (Home and Territories Department of Australia) я признателен за оказанную его департаментом финансовую помощь, а также за ту помощь, которую он оказывал мне на месте. Когда я проводил полевые исследования на Тробрианских островах, то огромную помощь в моей работе мне оказал г-н Б. Хэнкок (B. Hancock), торговец жемчугом, которому я благодарен не только за помощь и ряд оказанных мне услуг, но и за многочисленные свидетельства его дружбы.

Содержащаяся в этой книге аргументация была значительно улучшена благодаря тем критическим замечаниям, которые высказывал мне мой венский друг г-н Кунер (Khuner), специалист по практическим вопросам современной промышленности и в высшей степени компетентный знаток теоретических проблем экономики. Профессор Л. Хобхауз (L. T. Hobhouse) любезно ознакомился с приведенными мной доказательствами и дал мне ряд ценных советов по некоторым вопросам.

Сэр Джеймс Фрэзер, автор предисловия, оценил мой труд выше, чем он заслуживает, для меня же – великая честь быть представленным им, и я с особым удовольствием хотел бы подчеркнуть, что моя любовь к этнологии зародилась именно после прочтения второго издания «Золотой ветви».

И наконец (хотя не в последнюю очередь), я хотел бы упомянуть здесь профессора К. Г. Зелигмана (C. G. Seligman), которому посвящена эта книга. Именно ему принадлежала инициатива организации моей экспедиции, и я благодарен ему больше, чем я в силах это выразить, благодарен за поддержку и те научные советы, которыми он столь щедро одаривал меня во все время моей работы на Новой Гвинее.

Б. М.

Эль-Бокин, Икод де лос Винос, Тенерифе

Апрель 1921

Благодарности

Сама природа полевых исследований такова, что полагаться на помощь других людей этнографу нужно в гораздо большей степени, чем исследователям, работающим в иных областях науки. Именно поэтому здесь мне хотелось бы выразить благодарность всем тем, кто мне помогал. Как уже говорилось в предисловии, финансовой поддержкой я больше всего обязан г-ну Роберту Монду, обеспечившему мне возможность этой работы, выделяя мне в течение пяти лет (с 1914 и с 1917 по 1920 г.) стипендию научных экспедиций Роберта Монда (Лондонский университет) в размере 250 фунтов в год. Значительной поддержкой был для меня грант в размере 250 фунтов, который я получил от австралийского Департамента иностранных дел благодаря усилиям г-на Этли Ханта. В течение 1915 и 1916 гг. Лондонская школа экономики выплачивала мне стипендию Констанс Хатчинсон в размере 100 фунтов в год. Профессор Зелигман, которому я в этом, как и в других делах, столь многим обязан за его хлопоты по предоставлению мне и всех других грантов, сам выделил мне 100 фунтов на расходы экспедиции и обеспечил меня фотоаппаратом, фонографом, антропометрическими инструментами и другими принадлежностями для этнографической работы. В 1914 г. я приехал в Австралию с представителями Британской Ассоциации содействия науке – приехал по приглашению и за счет правительства Австралии.

Для тех, кто намеревается заняться полевыми исследованиями, будет небезынтересно узнать, что в течение шести лет (с 1914 по 1920 г.) я, проводя этнографические изыскания, совершил три экспедиции в места моей работы, а в перерывах обрабатывал собранный материал и изучал специальную литературу, расходуя немногим больше 250 фунтов в год. Этой суммы мне хватило не только на то, чтобы покрыть все расходы, связанные с путешествием и исследованиями (оплата проезда, услуг местных жителей и переводчиков), но также и на то, чтобы собрать достаточно много этнографических экспонатов, часть которых была представлена Мельбурнскому музею в качестве коллекции Роберта Монда. Все это было бы для меня невозможным, если бы значительную помощь мне не оказали те, кто живет в Новой Гвинее. Мой друг г-н Б. Нэнкок (B. Nancosk) из Гусавета (Тробрианские острова) предоставил в мое распоряжение свой дом и сарай, где я хранил мои принадлежности и провизию. Он неоднократно предоставлял мне свою яхту и открыл для меня двери своего дома, где я всегда при необходимости или в случае болезни мог найти убежище. Он помогал мне фотографировать и подарил множество своих собственных фотопластинок, из них несколько я поместил в этой книге (снимки XI, XXXVII и L–LVII).

Другие торговцы жемчугом Тробрианских островов также были ко мне весьма любезны, в особенности г-н и г-жа Рафаэль Брудо (Raphael Brudo) из Парижа, г-да К. и Дж. Ауэрбах (C. and G. Auerbach) и, впоследствии, г-н Мик Джордж (Mick George): все они так или иначе мне помогали и любезно оказывали гостеприимство.

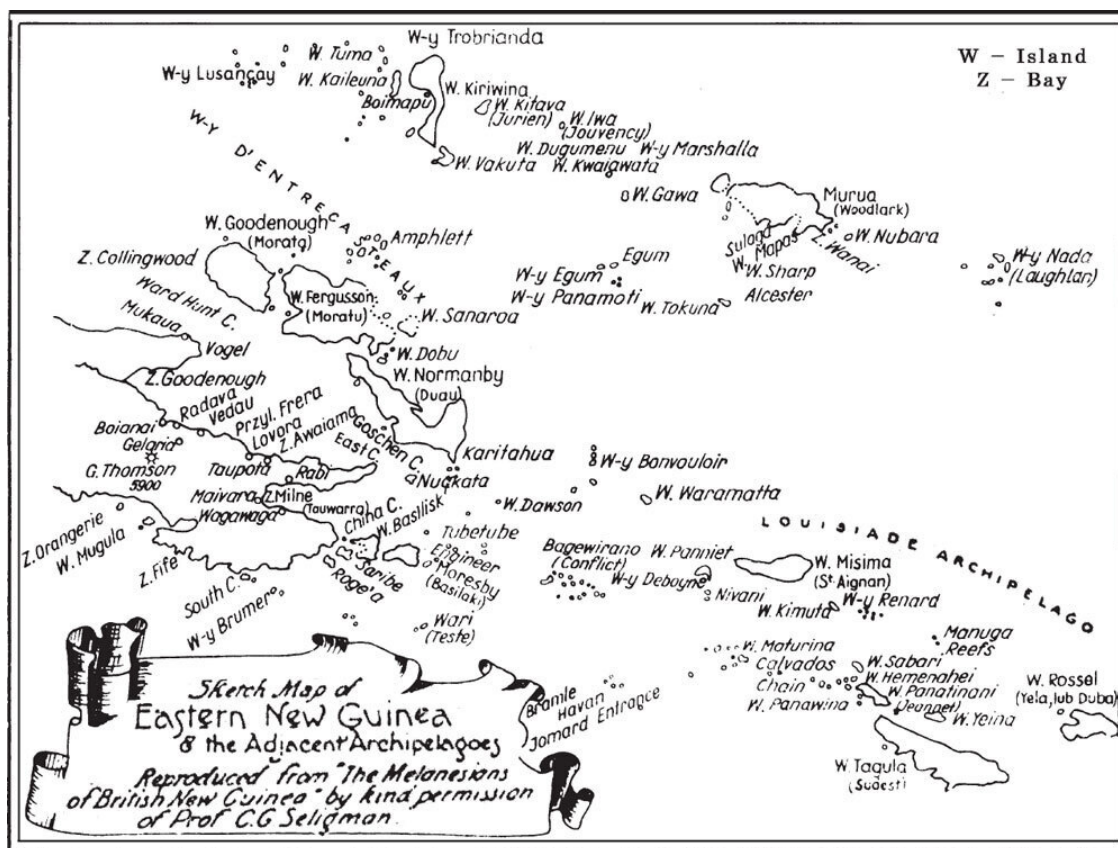
Во время исследований, которые в промежутках между экспедициями я проводил в Мельбурне, мне очень помогли сотрудники великолепной Публичной библиотеки им. Виктории, за что я должен поблагодарить директора библиотеки г-на Армстронга (E. La Touche Armstrong), моего друга г-на Э. Питта (E. Pitt), г-на Куки (Cooke) и др.

Воспроизведенные в этой книге две карты и две таблицы в ней я, заручившись любезным согласием профессора Зелигмана, взял из его книги «Меланезийцы Британской Новой Гвинеи». Я обязан поблагодарить и капитана Джойса (T. A. Joyce), издателя журнала «Map», позволившего мне еще раз использовать здесь те таблицы, которые ранее были опубликованы в его журнале.

Г-н Уильям Сван Стэлибрэсс (William Swan Stallybrass), руководитель издательства George Routledge & Sons, предупреждал все мои пожелания касательно научных деталей этой книги, за что я хотел бы выразить ему искреннюю признательность.

Заметки о произношении

Слова и имена собственные туземцев я воспроизводил здесь в соответствии с самыми простыми правилами, рекомендованными Королевским Географическим Обществом и Королевским Антропологическим Институтом. А правила эти таковы: гласные надо произносить как по-итальянски, а согласные как по-английски. Это достаточно хорошо соответствует фонетике меланезийских языков Новой Гвинеи. Апостроф, стоящий между двумя гласными, указывает на то, что они должны произноситься раздельно, а не сливаться в дифтонги. Ударение почти всегда ставится на предпоследнем слоге, редко – на пред-предпоследнем. Все слоги должны произноситься четко и ясно.

Карта 1. Восточная Новая Гвинея

Введение

Предмет, метод и сфера этого исследования

I

Люди, населяющие острова Южного моря, за небольшими исключениями, являются (или были, пока не вымерли), прекрасными мореходами и купцами. Иные из них создали великолепные разновидности больших морских лодок, на которых они отправлялись в далекие торговые путешествия, военные и захватнические экспедиции. Папуо-меланезийцы, населяющие побережье Новой Гвинеи и ближайшие к ней острова, не являются исключением из этого правила. В основном они – отважные мореходы, трудолюбивые ремесленники и расторопные торговцы. Центры производства важнейших товаров (таких как гончарные изделия, каменные инструменты, лодки, изящные корзины и ценные украшения) сосредоточены в нескольких местах соответственно тем ремеслам, которыми занимаются жители, унаследованной ими племенной традиции, а также тем особым возможностям, которыми обладает данная местность, так что торговля этими предметами охватывает большие территории, и иногда они перемещаются на расстояния в сотни миль.

Между разными племенами существуют определенные формы обмена, происходящего по определенным торговым путям. Наиболее замечательной формой межплеменного обмена является торговля, существующая между племенем моту из Порт Морсби (Port Moresby) и племенами из Залива Папуа (Papuan Gulf). Моту в своих тяжелых, неповоротливых лодках *лакатои*, снабженных характерными, в виде клешней краба, парусами, преодолевают расстояния в несколько сот миль. Они привозят в Залив Папуа гончарные изделия и украшения из раковин, а в давние времена привозили сюда и каменные лезвия, приобретая взамен саго и тяжелые, выдолбленные внутри, деревянные колоды, которые моту используют затем для постройки лодок *лакатои*³.

Дальше к востоку, на южном побережье, живет трудолюбивый народ мореходов маилу, который, благодаря ежегодным торговым экспедициям, соединяет восточную оконечность Новой Гвинеи с племенами центрального побережья⁴. И наконец, туземцы с островов и архипелагов, группирующихся вокруг восточного края Новой Гвинеи, поддерживают между собой постоянные торговые отношения. В книге профессора Зелигмана дано прекрасное описание этих отношений, а особенно – ближних торговых путей между различными островами, населенных южными массим⁵. Однако существует и другая, охватывающая многие сферы и чрезвычайно сложная система обмена, простирающаяся, вместе со своими ответвлениями, не только на острова близ восточного края Новой Гвинеи, но также Луизиады (Louisiades), остров Вудларк (Woodlark), Тробрианский архипелаг, группу островов д'Антракасто (d'Entrecasteaux); она проникает в глубь Новой Гвинеи и оказывает косвенное влияние на некоторые более далекие районы, такие как остров Россел (Rossel) и некоторые части южного и северного побережья Новой Гвинеи. Эта система обмена, под названием *кула* (Kula), и является предметом этой книги. Как мы увидим, это экономическое явление имеет исключительно важное теоретическое значение. Оно оказывает колоссальное влияние на племенную жизнь охваченных этой

---

³ *Хипи*, как называются эти экспедиции на языке моту, очень детально и четко были описаны капитаном Ф. Бартоном (F. Barton). См.: Seligman S.G. The Melanesians of British New Guinea. Cambridge, 1910. Ch. VIII.

⁴ См.: Malinowski B. The Mailu // Transactions of the R. Society of S. Australia. 1915. Ch. IV, n. 4. P. 612–625.

⁵ Op. cit. Vol. XI. Ch. XI.

сферой туземцев, причем его важность в полной мере осознается и самими туземцами, идеи, устремления и честолюбивые мечты которых теснейшим образом связаны с *кула*.

II

Прежде чем приступить к описанию *кула*, было бы неплохо рассказать о тех методах, которые применялись при сборе этнографического материала. Результаты исследований в любой области науки должны быть представлены абсолютно непредвзято и беспристрастно. Никакой экспериментальный вклад в физические или химические науки невозможен без детального отчета о подготовке эксперимента, тех приборов, которыми пользовались, и того способа, которым проводились наблюдения. Необходимо указать и количество проведенных экспериментов, и количество затраченного на них времени, и ту степень точности, с которой проводилось каждое из измерений. В науках менее точных (таких как биология или геология) этому правилу трудно следовать с такой же строгостью, однако каждый исследователь будет стараться как можно точнее рассказать читателю о тех условиях, в которых проводились эксперименты или наблюдения. В этнографии, где точный отчет о подобных данных кажется, пожалуй, еще более необходимым, в прошлом он, к сожалению, не всегда представлялся в достаточном объеме, и многие авторы давали весьма скупое представление о своей методологии, то есть того, как они ориентировались среди фактографического материала, извлекая его для нас из непроницаемой темноты.

Эти слова было бы легко проиллюстрировать ссылкой на высокоавторитетные, отмеченные признаками *научности* работы, в которых представлены предельно общие выводы, но вовсе не указываются те конкретные опыты, благодаря которым авторы пришли к своим заключениям. В них нет ни одной специальной главы или параграфа, которые были бы посвящены описанию тех условий, в которых производились наблюдения и собирался материал. Я думаю, что бесспорную научную ценность имеют только те этнографические источники, в которых можно явственно разграничить результаты непосредственных наблюдений и высказывания или интерпретации аборигенов, с одной стороны, и, с другой стороны, авторские комментарии, основанные на здравом смысле и психологической интуиции⁶. И впрямь: некоторые из обзоров, подобные приведенным ниже (раздел VI этой главы), должны считаться желательными, поскольку с одного взгляда на такого рода таблицу читатель мог бы с точностью оценить степень личного знакомства автора с описываемыми им фактами и сформировать представление о тех условиях, в которых эта информация была получена от аборигенов.

Но и это еще не все. В исторических науках нельзя надеяться на серьезное к себе отношение тому, кто делает тайну из тех источников, которыми он пользуется, а о прошлом говорит так, как если бы он узнал о нем по какому-то наитию. Этнограф является и мемуаристом, и историком в одном лице; а его источники, хотя они, несомненно, и легко доступны, в то же время в высшей степени неуловимы и сложны; они воплощены не в каких-то постоянных, материальных документах, но лишь в поведении и памяти живых людей. В этнографии зачастую существует огромная дистанция между необработанной массой информации (в том виде, в каком она явлена исследователю благодаря его собственным наблюдениям, рассказам туземцев и в калейдоскопе племенной жизни) и, с другой стороны, окончательным, вполне научным представлением результатов исследования. Этнограф должен преодолевать эту дистанцию в ходе кропотливой многолетней работы, начиная с того момента, когда он только выходит на туземный берег и предпринимает первые попытки к тому, чтобы вступить в контакт с аборигенами, и до того времени, когда завершит писать последний вариант своих выводов. Краткое описание треволений этнографа (в том виде, в каком я их сам претерпел) прольет, наверное,

⁶ В том, что касается метода, мы обязаны Кембриджской антропологической школе, которая разработала подлинно научный подход к этому вопросу. В частности, в работах Хэддона, Риверса и Зелигмана различие между теоретическими выводами и наблюдением проводится всегда четко, и мы можем с высокой точностью представить конкретные условия, в которых проводилась та или иная работа.

на этот вопрос больше света, чем это можно было ожидать от любых пространных и абстрактных рассуждений.

III

Представьте себе, что вы вдруг со всем своим снаряжением остались одни на тропическом берегу около туземной деревни, меж тем как лодка или шлюпка, на которой вы сюда приплыли, отплывает и исчезает из поля зрения. И как только вы поселитесь в доме какого-нибудь живущего по соседству белого человека, купца или миссионера, вам останется только одно – сразу же приступить к вашей этнографической работе. Вообразите себе еще и то, что вы в этом деле совсем новичок, что у вас нет никакого опыта и ничего того, что могло бы послужить вам ориентиром, нет никого, кто мог бы вам помочь. Ведь белый человек временно отсутствует или же он не может либо не хочет тратить на вас свое время. Именно так и начинались мои полевые исследования на южном побережье Новой Гвинеи. Я отлично помню мои длительные посещения деревень в первые недели по прибытии; я помню это ощущение безнадежности и уныния, которое охватывало меня после многих отчаянных, но бесплодных усилий установить реальный контакт с туземцами или раздобыть какой-то материал. У меня бывали периоды меланхолии, когда я погружался в чтение романов, словно человек, который погружается в пьянство в припадке тропической депрессии и скуки.

Вообразите себе затем, что вы впервые входите в деревню – один или в компании своего белого проводника. Какие-то туземцы сразу окружают вас, – особенно если учуют табак. Другие, более степенные и старшие, остаются сидеть там, где они и сидели. Твой белый спутник уже давно научился по-своему общаться с туземцами и не понимает, как вы, этнограф, будете устанавливать с ними контакт (да это его и не интересует). После этого первого посещения у вас создается радужное ощущение того, что, как только вы вернетесь сюда один, дела пойдут куда легче. По крайней мере, я на это надеялся.

С этой надеждой я вернулся, и вскоре вокруг меня собралась небольшая группа аборигенов. Несколько комплиментов на pidgin-English⁷ с обеих сторон, немного передаваемого из рук в руки табаку, – все это уже создало атмосферу взаимной доброжелательности. И тогда я попробовал приступить к делу. Сначала, чтобы начать с того, что не могло бы возбудить подозрений, я взялся за технологию туземцев. Несколько аборигенов занимались изготовлением разных предметов. Было нетрудно наблюдать их за работой и узнать не только названия их орудий, но даже и некоторые технические выражения, относящиеся к процессу производства, но дальше этого дело не пошло. Следует помнить, что pidgin-English – это слишком несовершенное средство выражения мыслей, и что прежде, чем научишься задавать вопросы и понимать ответы, будешь испытывать ощущение неудобства из-за того, что свободно общаться на этом жаргоне с туземцами ты никогда не сможешь; на первых порах у меня почти не получалось завязать с ними более подробный и содержательный разговор. Я хорошо понимал, что лучшим средством будет здесь собирание конкретных данных, а потому и составил список населения деревни, записал генеалогические сведения о жителях, начертил планы и собрал термины, выражающие отношения родства. Но все это оставалось мертвыми фактами, которые в дальнейшем отнюдь не привели бы меня к пониманию реального мышления или поведения аборигенов, поскольку таким образом мне не удалось ни понять того, что туземцы под этим понимают, ни ухватить того, что можно было бы назвать смыслом племенной жизни. Что касается их представлений о религии и магии, об их вере в колдовство и духов, то тут мне не удалось узнать ничего, кроме нескольких поверхностных представлений о фольклоре, к тому же искаженных из-за того, что их пришлось выражать на pidgin-English.

⁷ pidgin-English – гибридный англо-туземный язык со своеобразной морфологией и фонетикой; в настоящее время является (наряду с английским) одним из официальных языков государства Папуа-Новая Гвинея (*прим. перев.*)

Сведения, которые я получил от некоторых белых жителей этого региона, хоть сами по себе они и были весьма ценными, с точки зрения моей работы разочаровали меня больше всего. Эти люди, которые уже много лет жили в этих краях и постоянно имели возможность наблюдать туземцев и общаться с ними, в то же время ничего достаточно хорошо о них не знали. А если так, то как же тогда мне надеяться, что всего за несколько месяцев или за год я смогу достичь этого уровня, а потом и превзойти его? Более того: та манера, в которой белые люди рассказывали о туземцах и об их воззрениях, свидетельствовала об ограниченности их сознания и неумении формулировать свои мысли сколько-нибудь логично и точно. Кроме того, по большей части эти люди (что вполне естественно) полны предубеждений и предвзятых мнений, что неизбежно для всякого обычного человека-практика – будь то администратора, миссионера или купца, но что вызывает резкое неприятие у того, кто стремится сформировать объективный, научный взгляд на вещи. Привычка самоуверенно и легковесно рассуждать о том, к чему этнограф относится по-настоящему серьезно; пренебрежение тем, что является для него подлинным научным сокровищем (то есть особенностями культуры и независимого мышления аборигенов) – все эти черты, так хорошо известные нам по недоброкачественным писаниям дилетантов, отличали тот тон, в котором высказывались почти все живущие здесь белые люди⁸.

И в самом деле: на начальном этапе моих этнографических исследований на южном побережье некоторых успехов я стал добиваться только тогда, когда остался там один: во всяком случае я открыл, в чем заключается секрет успешной полевой работы. В чем же тогда заключена магия этнографа, силой которой он может вызвать «подлинную душу» туземцев, составить истинное представление о племенной жизни? Успеха, как правило, можно достичь лишь терпеливым и систематическим применением нескольких правил здравого смысла и хорошо известных научных принципов, а не открытием какого-то чудесного, короткого пути, ведущего к желаемым результатам без труда и хлопот. Принципы нашего метода можно свести к трем основным требованиям: во-первых, исследователь естественно должен ставить перед собой подлинно научные цели и знать те ценности и критерии, которыми руководствуется современная этнография. Во-вторых, он должен создать для себя хорошие условия работы, то есть прежде всего держаться подальше от белых людей и жить прямо среди туземцев. И наконец, он должен пользоваться несколькими специальными методами собирания материалов, их рассмотрения и их фиксации. О каждом из этих основных принципов полевого исследования следует сказать несколько слов. Начнем со второго, как наиболее простого.

---

⁸ Я должен сразу же заметить, что были и такие люди, которые являлись приятным исключением из этого правила. Упомяну среди них лишь моих друзей Билли Хэнкока с Тробриан, а также М. Рафаэля Брудо, другого торговца жемчугом, и миссионера М. К. Гилмура.

IV

Адекватные условия для этнографической работы. Они, как уже было сказано, состоят в том, чтобы отделить себя от сообщества других белых людей и установить как можно более тесный контакт с туземцами, чего реально можно достичь только в том случае, если поселиться прямо в их деревнях (см. фото I и II). Было бы просто прекрасно иметь своей базой усадьбу какого-нибудь белого человека, чтобы хранить там провиант и снаряжение, зная, что здесь можно найти прибежище в случае болезни или тогда, когда захочется отдохнуть от общества туземцев. Однако это место должно быть достаточно отдаленным для того, чтобы не стать постоянной средой обитания, в которой ты живешь и которую в определенные часы покидаешь лишь для того, чтобы «заняться деревней». Оно не должно располагаться так близко, чтобы в любой момент можно было «улизнуть» туда на отдых. Ведь аборигена нельзя считать естественным спутником белого человека, и потому, поработав с ним несколько часов, понаблюдав, как он возделывает свои огороды, или послушав его фольклор, или обсудив его обычаи, испытываешь естественную тягу к подобным себе людям. Но если ты в деревне один, если ты не общаешься с белыми людьми, то, в одиночестве побродив по ней час-другой, потом возвращаешься, то ты вполне естественно ищешь общества туземца и уже не чувствуешь одиночества, как если бы ты находился в каком-то другом обществе. В этом вот естественном общении ты и учишься понимать туземца, осваиваешь его обычаи и верования куда лучше, чем если он утомительно рассказывает тебе что-то за деньги.

Существует принципиальное различие между недолгим, время от времени, погружением в общество туземцев и реальным контактом с ними. Что это означает? Для этнографа это означает, что его жизнь в деревне, которая поначалу казалась непривычным (иногда неприятным, иногда интересным) приключением, вскоре начинает протекать вполне естественно, гармонизируясь с тем, что ее окружает.

Вскоре после того, как я поселился в Омаракана (Тробрианские острова), я по-своему стал участвовать в жизни деревни, предвкушая наступление важных событий. Меня по-настоящему стали интересовать деревенские сплетни и мелкие происшествия. Каждое утро, пробудившись ото сна, я встречал новый день более или менее таким, каким его встречали туземцы. Я выбирался из-под противомоскитной сетки и видел, как деревня или пробуждается к жизни, или же работа в ней уже кипит вовсю, соответственно времени суток и даже сезону, поскольку туземцы встают и начинают трудиться раньше или позже в зависимости от того, как этого требует работа. Во время утренней прогулки по деревне я мог наблюдать интимные подробности семейной жизни, утреннего туалета, приготовления и употребления пищи. Я мог наблюдать за приготовлениями к предстоящей в этот день работе или за тем, как мужчины и женщины занимаются изготовлением разных предметов (см. фото III). Перебранки, шутки, семейные сцены, события, как правило, обыденные, хотя иногда и драматические, однако всегда значительные, – все они создавали атмосферу повседневной жизни как для меня, так и для других. Стоит напомнить, что поскольку туземцы видели меня постоянно и ежедневно, вскоре их уже перестало интересовать или тревожить мое присутствие. Я перестал вносить смущение в ту их племенную жизнь, которую я собирался изучать, перестал нарушать ее одним моим появлением, как это всегда происходит в примитивном обществе, когда в нем появляется чужак. И впрямь, поскольку они уже знали, что я собираюсь совать нос во всё, даже и в такие дела, в которые хорошо воспитанные туземцы никогда бы не посмели влезать, то в конце концов они стали считать меня частью их собственной жизни, неизбежным злом или просто нахалом, присутствие которого терпят лишь потому, что у него можно разжиться табаком.

Все, что происходило в течение дня, было для меня вполне доступно, и у туземцев не было возможности скрыть что-то от моего внимания. Тревоги, вызванные вечерним прихо-

дом колдуна, по-настоящему значительные стычки и раздоры среди жителей деревни, болезни, попытки излечиться от них и смерти, магические обряды, которые надлежало выполнять, – всего этого я не выискивал в страхе, что это от меня ускользнет: нет, все это происходило у меня прямо на глазах и, так сказать, у порога моего дома. Здесь надо подчеркнуть, что всякий раз, когда происходит что-то драматическое или значительное, необходимо исследовать это именно в тот момент, когда оно происходит, поскольку аборигены не могут удержаться от того, чтобы не говорить о нем, слишком возбуждены, чтобы о нем умалчивать, и слишком заинтересованы сутью дела, чтобы не быть ленивыми и не опустить его подробности. А еще иногда я нарушал этикет, на что туземцы, уже достаточно меня узнав, незамедлительно мне указывали. Мне пришлось учиться себя вести, и до определенной степени я выработал у себя «чутье» относительно принятых у аборигенов хороших и плохих манер. Обладая таким чутьем, а также способностью наслаждаться их обществом и принимать участие в некоторых играх и развлечениях, я начал ощущать, как мои контакты с аборигенами становятся по-настоящему тесными. А именно таково, несомненно, предварительное условие проведения успешных полевых исследований.

V

Однако задача этнографа заключается не только в том, чтобы расставлять сети в нужных местах и ожидать, что в них попадется. Он должен активно охотиться, загонять добычу в эту ловушку и следовать за ней вплоть до самых недоступных убежищ. Это заставляет нас следовать более активным методам получения этнографического материала. В конце III раздела мы уже упоминали о том, что этнограф должен опираться на знание самых современных достижений науки, ее принципов и целей. Я не собираюсь тут подробно рассуждать об этом, но позволю себе одно только замечание, чтобы избежать возможных недоразумений. Хорошее знание теории и знание ее новейших достижений не тождественно обремененности «предвзятыми идеями». Если кто-то отправляется в экспедицию с намерением доказать некоторые гипотезы, но неспособен постоянно изменять свои взгляды и с легкостью отказываться от них под давлением фактов, то нет нужды говорить о том, что его труд не будет иметь никакой ценности. Однако чем больше проблем он приносит с собой в поле своих исследований, чем лучше у него получается приспособлять свои теории к фактам и разыскивать факты, подтверждающие теорию, тем лучше он подготовлен к работе. Предвзятые идеи губительны для любой научной работы, но способность предвидеть проблемы является главным качеством научного исследователя, а сами эти проблемы открываются для наблюдателя в ходе его теоретических исследований.

Ранние работы Бастиана, Тайлора, Моргана и немецких этнопсихологов (*Völkerpsychologen*) в этнологии явились систематизацией старой, необработанной информации путешественников, миссионеров и др., продемонстрировав необходимость применения более глубоких концепций и отказа от концепций слишком приблизительных и вводящих в заблуждение⁹.

Так, понятие анимизма вытеснило понятие «фетишизм» или «культ злого духа», оба этих термина не имеют смысла. Благодаря осмыслению классификаторских систем родства стало возможным осуществить те блестящие современные полевые исследования по социологии аборигенов, которые принадлежат кембриджской школе. Психологический анализ немецких ученых стал основой богатейшей и ценнейшей информации, полученной в результате недавних немецких экспедиций в Африку, Южную Америку и Океанию, тогда как теоретические работы Фрэзера, Дюркгейма и других вдохновляют, и, несомненно, еще долго будут вдохновлять полевых исследователей, приводя их к получению новых результатов. Полевой исследователь опирается на стимулирующее воздействие теории. Он, конечно, может быть и теоретиком, и исследователем-практиком в одном лице – и тогда находить стимулы он будет в самом себе. Однако функции эти отделены одна от другой и в реальных исследованиях должны быть разделены как во времени, так и в условиях работы.

Как это бывает всегда, когда научные интересы поворачиваются к эмпирике, а сами ученые начинают разрабатывать ту сферу, которой касалось лишь любопытство дилетантов, этнология тоже приносит порядок в то, что казалось хаотическим и диковинным. Она преобразовала для нас сенсационный, дикий и необъяснимый мир «дикарей», представив его в виде совокупности упорядоченных сообществ, в которых царит закон, а люди действуют и мыслят в соответствии с последовательными принципами. Слово «дикарь», независимо от тех ассоциаций, которые оно могло иметь изначально, наводит на мысль о неограниченной свободе, о чем-то лишенном регулярности, о чем-то в высшей степени и чересчур диковинном. Согласно рас-

⁹ В соответствии с установившейся научной терминологией, я использую слово «этнография» для обозначения эмпирических и описательных результатов науки о человеке, а слово «этнология» – для обозначения спекулятивных и сравнительных теорий.

хожим представлениям, мы воображаем, будто аборигены живут на лоне природы почти так, как они могут и как им нравится, находясь во власти неупорядоченных, фантазмагорических поверий и наваждений. Вопреки этим представлениям современная наука показывает, что их социальным институтам присуща необыкновенно четкая организация и что в их общественных и личных отношениях они руководствуются властью, законом и порядком, тогда как их личные отношения зависят от очень сложных семейных и клановых связей. И в самом деле: туземцы, как мы видели, подчинены той системе обязанностей, функций и привилегий, которые соответствуют разработанной племенной, общественной и родственной организации (снимок IV). Их поверия и действия ни в коей мере не лишены определенной логичности, а их знаний об окружающем мире вполне достаточно для того, чтобы помогать им во многих действиях и предприятиях, требующих больших усилий. Да и их художественное творчество также не лишено ни смысла, ни красоты.

Насколько же далеко современная этнография отошла сегодня от ответа, который был некогда дан авторитетным человеком: на вопрос об обычаях и нравах туземцев он ответил: «Обычаев у них вообще нет, а нравы у них – животные»! Современный этнограф, располагающий таблицами терминов родства, генеалогий, а также картами, планами и диаграммами, доказывает существование обширной и значительной социальной организации, показывает структуру рода, клана и семьи, и создает образ туземцев, подчиняющихся столь строгому кодексу поведения и хороших манер, в сравнении с которым жизнь при версальском дворе или в Эскориале можно было бы счесть вольной и легкой¹⁰.

Поэтому первым и основным идеалом полевой этнографической работы является создание четкой и точной схемы общественной организации, а также отделение закономерностей и упорядоченности культурных явлений от всего случайного и несущественного. Крепкое основание племенной жизни должно быть установлено с самого начала. Согласно этому идеалу, первоочередной обязанностью является создание целостной картины явлений, а не выхватывание сенсационного, исключительного, а еще менее – смешного или диковинного. Ушли времена, когда мы терпимо относились к тому, что туземцев изображали в виде искаженных, ребяческих карикатур на человеческие существа. Такой образ ложен, и, как многие виды лжи, он был отвергнут наукой. Этнограф, занимающийся полевыми исследованиями, должен серьезно и трезво охватить всю совокупность явлений в каждом из аспектов исследуемой им племенной культуры, не делая никакого различия между тем, что встречается на каждом шагу, что однообразно или обыденно, и тем, что изумляет его как необычайное и из ряда вон выходящее. В то же время этнограф должен исследовать все пространство племенной культуры *во всех ее аспектах*. Та логичность, закономерность и упорядоченность, которые достигаются в границах каждого аспекта культуры, должны присутствовать и для того, чтобы соединить их в одном неразрывном целом.

Тот этнограф, который намерен исследовать одну только религию или одну только технологию, или одну только социальную организацию, искусственно сужает сферу своего исследования, что будет серьезно мешать ему в работе.

---

¹⁰ Этот легендарный «авторитет», по мнению которого туземцы – это люди с животными нравами и без обычаев, был превзойден одним современным автором, который, описывая южных массим, с которыми жил и работал много лет «в тесном контакте», пишет: «Мы учим не знающих законов туземцев послушанию, нечеловеческие существа – любви, дикарей – цивилизации». И далее: «Руководимый в своем поведении ничем иным как только инстинктами и естественными наклонностями, подверженный неуправляемым страстям... Лишенный законности, нечеловеческий, дикий». Более грубого искажения действительного положения вещей и не придумать, если хотеть спародировать точку зрения миссионеров! Цит. по книге преподобного К. В. Абея из Лондонского миссионерского общества («Savage Life in New Guinea», без даты).

VI

Установив эти очень общие принципы, перейдем теперь к более детальному рассмотрению метода. Как уже было сказано, обязанностью полевого этнографа является обнаружение всех правил и закономерностей племенной жизни – всего того, что постоянно и фиксировано; его цель – создание анатомии культуры туземцев и описание структуры их общества. Однако все это, хоть оно выкристаллизовалось и устоялось, нигде не *сформулировано*. Не существует записанного или явно выраженного кодекса законов, и вся племенная традиция, вся структура общества аборигенов воплощены в самом ускользающем из всех материала – в человеке. Но даже и в человеческом сознании или памяти эти законы со всей определенностью не сформулированы. Туземцы подчиняются силе и приказам племенного кодекса, но при этом они их не осознают, точно так же, как они подчиняются своим инстинктам и побуждениям, но при этом не могут сформулировать ни одного психологического закона. Закономерности, которые имеются в туземных институтах, являются автоматическим результатом взаимодействия сознательных сил традиции и материальных условий среды. Подобно тому, как обычный человек какого-либо современного института (будь то государство, церковь или армия), будучи частью этого института и входя в него, все-таки не осознает результирующего совокупного действия всего целого, а еще менее способен составить верное представление о его организации, точно так же ни к чему не привела бы попытка задавать туземцам вопросы в абстрактных социологических терминах. Разница состоит в том, что в нашем обществе в составе каждого института имеются сведущие люди, историки этих институтов, имеются архивы и документы, тогда как в туземном обществе ничего такого нет. Как только мы это сознаем, следует искать средство преодоления этой трудности. Таким способом является для этнографа собирание конкретных данных и выведение на основе этих данных собственных общих выводов. Он только кажется очевидным, но не был ни открыт, ни, по крайней мере, использован в этнографии, до тех пор пока к полевым исследованиям не приступили ученые. Более того, даже и при наличии конкретного эффекта оказалось, что конкретное применение этого метода затруднено и его непросто применить систематически и последовательно.

Хотя мы и не можем спрашивать туземца об абстрактных, общих правилах, но всегда можем разузнать, как истолковывается какой-то конкретный случай. Так, например, спрашивая туземца о том, как он относится к преступлению или какого наказания оно заслуживает, незачем (это ни к чему не приведет) задавать такой вот общий вопрос: «Как вы обходитесь с преступником и как вы его наказываете?», потому что не найдешь даже и таких слов, чтобы выразить эту мысль на туземном языке или на pidgin-English. Однако воображаемый или, еще лучше, действительно имевший место случай побудит туземца выразить мнение и сообщить полную информацию. Реальный же случай наверняка вызовет среди туземцев оживленную дискуссию, заставит их выражать негодование, принимать ту или иную сторону, – причем все это обсуждение будет, вероятно, заключать в себе множество определенных точек зрения и моральных оценок, в то же время выявляя социальный механизм, который приводится в действие совершенным преступлением. А на этой основе их будет уже легко вывести на разговор о других подобных случаях, склонить к припоминанию других реальных событий или к обсуждению их во всех их оттенках и аспектах. На основании всего этого материала, который должен охватывать как можно более широкий спектр фактов, вывод делается путем простой индукции. *Научное* понимание отличается от основанного на здравом смысле понимания, во-первых, тем, что ученый исследователь должен обозревать явления гораздо полнее и детальнее, педантично-систематически и методически, и, во-вторых, тем, что обладающий научной подготовкой исследователь будет вести поиск в действительно существенных направлениях и стремиться к тем целям, которые действительно важны. В самом деле: цель научной подготовки

состоит в том, чтобы наделить исследователя-эмпирика чем-то вроде *мысленной карты*, соответственно которой он смог бы определить свое положение и определить курс следования.

Возвращаясь к нашему примеру, можно сказать, что в ходе обсуждения некоего количества определенных случаев этнограф составит для себя представление о социальном механизме наказания. Такова одна сторона, один аспект племенной власти. Представим далее, что, пользуясь подобным методом вывода из определенных данных, этнограф придет к пониманию лидерства на войне, в экономической деятельности, в племенных праздниках – и тогда он одновременно будет иметь в своем распоряжении все данные, которые необходимы для ответа на вопросы о племенном правлении и общественной власти. В ходе полевых исследований сравнение таких данных, попытки соединения их в одно целое будут зачастую приводить к обнаружению пробелов и пропусков в информации, что в свою очередь будет содействовать дальнейшим исследованиям.

На основе собственного опыта я могу сказать, что очень часто проблема казалась мне решенной, и все представлялось мне установленным и ясным до тех пор, пока я не начинал писать краткий, предварительный отчет о полученных результатах. И лишь тогда я начинал видеть, сколь многого мне еще не хватает, что приводило меня к рассмотрению новых проблем и к новым исследованиям. В самом деле, несколько месяцев между первой и второй моими экспедициями и около года между второй и последующей мне пришлось потратить на детальное изучение всего материала и на подготовку к печати уже почти законченных его частей, хотя всякий раз я знал, что мне придется все это переписывать. Я считаю, что это взаимообогащение, когда истолкование и наблюдения дополняют друг друга, и не думаю, что в противном случае мне удалось бы достичь реального прогресса. Я привел здесь пример из собственной жизни только для того, чтобы показать, что это является не пустой декларацией, но результатом личного опыта. В этой книге дано описание одного значительного института, связанного с огромным количеством видов деятельности и предстающего перед нами во множестве своих аспектов. Каждому, кто будет размышлять об этом, станет ясно, что информация о столь сложном явлении с таким множеством ответвлений не может быть получена без постоянного сочетания попыток истолкования, с одной стороны, и эмпирического контроля – с другой. И впрямь: очерк института *кула* я писал по крайней мере раз шесть – как во время моих полевых исследований, так и в перерывах между экспедициями. Всякий раз передо мной вставали новые проблемы и трудности.

Итак, собирание конкретных данных о широком круге фактов является одним из основных пунктов метода полевых исследований. Обязанность исследователя заключается не только в том, чтобы перечислить несколько примеров, но еще и в том, чтобы дать как можно более исчерпывающее описание всех доступных случаев, и наилучшие результаты получит тот исследователь, «мысленная карта» которого является наиболее четкой. Но если только исследуемый материал такое позволяет, эта «мысленная карта» должна быть преобразована в карту реальную; она должна обрести вид диаграммы, плана, исчерпывающей синоптической таблицы случаев. Уже давно во всех относительно неплохих современных книгах о туземцах мы надеемся обнаружить полный список или таблицу терминов родства, которая содержала бы все относящиеся к этому данные, а не ограничивалась бы лишь констатацией нескольких странных и аномальных отношений или их выражений. При исследовании родства ученых, переходя – в каждом конкретном случае – от рассмотрения одного вида отношений к другому, естественно приходит к созданию генеалогических таблиц. Этот метод уже применялся некоторыми более ранними исследователями, такими как Мунзингер или, если мне не изменяет память, Кубари, а в настоящее время он получил наиболее полное развитие в работах д-ра Риверса. Аналогично и при изучении конкретных данных об экономических сделках, предпринимаемом ради изучения истории ценного объекта и установления характера его обращения, этот принцип полноты и всеохватности приводит к составлению таблиц заключаемых сделок – таких, например, какие

мы находим в работе проф. Зелигмана¹¹. Именно потому, что здесь я следовал примеру проф. Зелигмана, мне и удалось установить некоторые из наиболее трудных и детализированных правил *кула*. Метод сведения информации, если это возможно, и подачи ее в виде карт или синоптических таблиц, должен быть распространен на изучение практически всех аспектов племенной жизни. Все типы экономических взаимодействий могут быть изучены посредством рассмотрения связанных между собой реальных случаев и перенесения их на синоптические карты; точно так же следует составлять таблицы всех даров и подношений, требуемых обычаями в данном обществе, – таблицы, включающие социологическое, церемониальное и экономическое определение каждого из элементов. Также и системы магии, связанные между собой церемониальные циклы, типы правовых актов – все это можно свести в таблицы, каждая позиция которых может быть синоптически определена под несколькими заголовками. Помимо этого, конечно, и генеалогический список населения каждого более подробно исследуемого сообщества, и пространственные карты и планы, и диаграммы, иллюстрирующие отношения собственности на обрабатываемую землю, права на охотничьи и рыболовные угодья и т. д. – все это служит нам фундаментальными документами этнографического исследования.

Генеалогия – это не что иное, как синоптическая карта определенного количества связанных между собой отношений родства. Ее ценность как инструмента исследования заключена в том, что те вопросы, которые этнограф сам для себя сформулировал *in abstracto*, она позволяет ему поставить перед туземцем-информатором конкретно. Ее ценность как документа состоит в том, что она предоставляет ряд аутентичных фактов, естественным образом сгруппированных. Синоптическая карта магии выполняет ту же функцию. В качестве инструмента исследования я применял ее, например, для того, чтобы подтвердить идеи о природе магической силы. Положив перед собой карту, я легко и без особых хлопот мог переходить от одного пункта к другому и отмечать в каждом из них соответствующие виды деятельности и верований. И тогда ответ на стоящую передо мной абстрактную проблему можно было получить путем выведения обобщающих выводов из всех представленных случаев (эта процедура описана в главах XVII и XVIII¹²). Здесь я не могу продолжать обсуждение этого вопроса, что потребовало бы устанавливать новые разграничения между, например, картами с конкретными, действительными данными (такими как генеалогия) и картами, в которых обобщены характеристики обычаев или верований (такими, какими могут быть карты магических систем).

Снова возвращаясь к вопросу о методологической беспристрастности, о котором уже шла речь в разделе II, я бы хотел заметить, что процедура конкретного и оформленного в виде таблиц представления данных должна быть прежде всего применена к «верительным грамотам» самого этнографа. Это означает, что этнограф, если он стремится, чтобы ему поверили, должен ясно, в сжатом виде и в форме таблиц показать, где в основании его исследования лежат непосредственные наблюдения, а где – опосредованная информация. Приведенная ниже таблица послужит примером этого и поможет читателю этой книги сформировать представление о достоверности любого из тех положений, которые ему хочется проверить особо. С помощью этой таблицы и многих встречающихся в тексте ссылок на то, каким образом, в каких обстоятельствах и с какой степенью точности я пришел к тому или иному выводу, прояснится, как я надеюсь, буквально все, что имеет отношение к источникам этой книги.

¹¹ См., например, таблицу обращения некоторых ценных острых камней для топоров. Цит. соч. С. 531–532.

¹² В этой книге кроме приведенной ниже таблицы, которая, строго говоря, не относится к разряду тех документов, о которых здесь идет речь, читатель найдет всего лишь несколько образцов синоптических таблиц – таких, например, как список партнеров *кула*, о котором я упоминаю и которых я изучаю в главе XIII, разделе II, список даров и подношений (но не в виде таблицы, а только в виде описания) в главе VI, разделе VI, синоптические данные об экспедициях *кула* (приведены в главе XVI), таблица магии *кула* – в главе XVII. Я не хотел перегружать эту работу картами и пр., предпочитая сохранить их до публикации моих материалов в полном виде.

Хронологический список связанных с *кула* событий, свидетелем которых был автор

Первая экспедиция, август 1914 – март 1915.

Март 1915. В деревне Дикойас (остров Вудларк) видел несколько церемониальных актов дарения. Получил предварительную информацию.

Вторая экспедиция, май 1915 – май 1916.

Июнь 1915. Поездка в связи с обрядом *кабигидойа* с Вакута в Киригина. Я был свидетелем того, как бросали якоря в Каватари, и видел людей в Омаракана, где собирал информацию.

Июль 1915. Несколько экипажей из Китава пристали к берегу Каулукуба. Люди, которых я наблюдал в Омаракана. За это время я собрал много сведений.

Сентябрь 1915. Неудачная попытка плавания на Китава с То'улува, вождем Омаракана.

Октябрь-ноябрь 1915. Наблюдал отплытие трех экспедиций из Киригина на Китава. Всякий раз То'улува привозит домой большое количество *мвали* [браслетов].

Ноябрь 1915 – март 1916. Подготовка к большой заморской экспедиции из Киригина на острова Маршалла Беннета. Постройка лодки; починка другой лодки; изготовление паруса в Омаракана; спуск лодки на воду; *масасориа* на берегу Каулукуба. Одновременно собиралась информация об этих и других связанных с ними делах. Записано несколько магических текстов, связанных с постройкой лодки и магией *кула*.

Третья экспедиция, октябрь 1917 – октябрь 1918.

Ноябрь 1917 – декабрь 1917. Обмен *кула* в границах одного острова; некоторые из полученных в Туквауква данных.

Декабрь 1917 – февраль 1918. Экипажи с Китава прибывают в Вавела. Сбор сведений о *йойова*. Зафиксировал магические формулы и заклинания Кауга'у.

Март 1918. Приготовления в Санароа; приготовления на островах Амфлетт; флотилия с Добу прибывает на острова Амфлетт. Экспедиция *увалаку* с Добу следовала на Бойова.

Апрель 1918. Прибытие этой экспедиции; прием в Синакета; операции *кула*; большое межплеменное собрание. Зафиксировал несколько магических формул.

Май 1918. Лодки с Китава наблюдал на Вакута.

Июнь, июль 1918. Информация о магии и обычаях *кула* проверена и дополнена в Омаракана, особенно в связи с ее восточными ответвлениями.

Август, сентябрь 1918. Получил магические тексты на Синакета.

Октябрь 1918. Получена информация от некоторых туземцев Добу и района южных массим (проводил исследования в Самараи).

Суммируя сказанное о первом, кардинальном пункте метода, можно сказать, что каждое явление должно исследоваться в максимальном количестве его конкретных проявлений и через исчерпывающее описание детализированных примеров. Если это возможно, то результаты должны быть оформлены в виде своего рода синоптических карт, которые послужат не только инструментами исследования, но и этнографическими документами. С помощью такого рода документов и такого изучения реалий можно создать четкое представление о границах культуры туземцев в самом широком смысле этого слова и о структуре их общества. Этот метод можно было бы назвать *методом статистической документации на основании конкретной действительности*.

VII

Нет необходимости добавлять, что в этом аспекте полевая работа ученого приносит более совершенные результаты, чем самые лучшие исследования любителей. И только в одном отношении любители зачастую выше профессионалов: в умении представлять мельчайшие подробности племенной жизни и раскрывать те ее аспекты, о которых можно узнать, лишь так или иначе находясь в тесном контакте с туземцами на протяжении длительного времени. В некоторых научных исследованиях (а особенно в так называемых «обзорах») представлены великолепные, так сказать, скелеты племенной организации, однако скелетам этим не хватает «плоти и крови». Мы многое узнаем об устройстве их общества, однако в границах этого устройства мы не сможем ни воспринять, ни вообразить себе реалий человеческой жизни, ровного течения ежедневных событий, волнения и оживления, возникающего в связи с праздником, церемонией или особым событием. Вырабатывая правила и закономерности туземных обычаев и определяя для них точную формулу в опоре на собранные данные и рассказы туземцев, мы обнаруживаем, что именно эта точность чужда самой реальной жизни, которая никогда строго не соответствует каким бы то ни было правилам. Это должно быть дополнено наблюдениями за тем, каким образом тот или иной обычай реализуется в жизни, и за тем, как ведут себя туземцы, подчиняясь правилам, столь точно сформулированным этнографом, и, наконец, за теми исключениями, которые почти всегда имеют место в общественных явлениях.

Если все выводы основаны исключительно на рассказах информаторов или логически выведены из объективных документов, то, конечно, невозможно дополнить их действительно наблюдавшимися данными реального поведения. Вот почему некоторые любительские работы тех людей, которые многие годы жили среди туземцев (например, образованных купцов и плантаторов, врачей и чиновников, и, наконец, но не в последнюю очередь, тех образованных и непредвзятых миссионеров, которым этнография столь многим обязана), по своей пластичности и живости куда лучше большинства чисто научных работ. Но если специалист, этнограф-полевик, может приспособиться жить так, как это описывалось выше, то он окажется в гораздо лучшем положении и сможет вступить с туземцами в отношения куда более тесные, чем любой из живущих среди аборигенов белый человек. Ведь никто из них в туземной деревне (за исключением очень короткого времени) не живет: и каждый из них занят своим делом, которое и отнимает у него значительную часть времени. Более того: если, как это бывает с купцами, миссионерами или чиновниками, этнограф завязывает активные отношения с туземцем, если он влияет на туземца, изменяет его и его использует, то это делает реальное, непредвзятое и беспристрастное наблюдение совершенно невозможным и препятствует безраздельной искренности (по крайней мере, в случае с миссионерами и чиновниками).

Если жить в туземной деревне и не иметь никаких иных дел, кроме изучения жизни аборигенов, то, снова и снова наблюдая обычаи, обряды и дела туземцев, этнограф становится свидетелем их верований в том виде, в каком они существуют в действительности, и вскоре «плоть и кровь» реальной туземной жизни наполняют «скелет» чисто абстрактных построений. Именно поэтому этнограф, если он работает в условиях, подобных тем, которые были описаны выше, способен добавить нечто существенное скупому описанию племенного строя, устройства и дополнить картину, обогатив ее деталями поведения, описанием фона и незначительных случаев. В каждом данном случае он способен определить, является ли данное действие публичным или частным, как протекает общее собрание и какой оно имеет вид; он может судить, является ли то или иное событие обычным или особенным, возбуждающим интерес, совершают ли туземцы то или иное действие со значительной долей искренности и убежденности или исполняют его в шутку, участвуют ли они в нем невнимательно или действуют ревностно и обдуманно.

Иными словами, существует совокупность тех чрезвычайно важных явлений, которые не запечатлеть с помощью одних только ответов на поставленные вопросы или путем накопления статистических данных, но которые следует наблюдать во всей полноте их реальности. Назовем их *не поддающимися учету факторами действительной жизни*. К ним относятся такие вещи, как рутина рабочего дня, подробности ухода за телом, способ приготовления и принятия пищи; тон разговоров и атмосфера общественной жизни у деревенских костров, существование крепкой дружбы или вражды, возникновение мимолетной симпатии и антипатии между людьми, а также едва заметные, но безошибочно распознаваемые проявления личного тщеславия и амбиций в поведении индивида и в эмоциональных реакциях окружающих его людей. Все эти факты могут и должны быть научно сформулированы и описаны, однако необходимо, чтобы это было сделано не посредством поверхностной фиксации деталей, как это обычно делают неподготовленные наблюдатели, но посредством усилия исследователя проникнуть в то мировосприятие, которое в этих деталях выражается. Именно поэтому научно подготовленные наблюдатели, если они относятся к изучению этого аспекта со всей серьезностью, и достигнут таких результатов, которые будут иметь, я надеюсь, гораздо большую, чем у дилетантов, ценность. До сих пор этим занимались лишь любители, и потому в целом результаты были неудовлетворительны.

Действительно, если мы вспомним о том, что все эти не поддающиеся учету, но важные факты реальной жизни являются частью реальной сущности общественного устройства и что на них основаны те бесчисленные связи, благодаря которым держится семья, клан, деревенское общество, племя, то их значение станет очевидным. Более оформленные связи социального сплочения, такие как определенный ритуал, экономические и правовые обязанности, обязательства, церемониальные дары и формальные признаки уважения, хоть они так же важны для исследователя, все-таки наверняка ощущаются не столь же сильно тем человеком, который в них участвует. Прилагая это понятие к нам самим, можно сказать, что всем нам известно, что значит для нас «семейная жизнь»: это прежде всего домашняя атмосфера, все те бесчисленные незначительные действия и знаки внимания, в которых выражаются и симпатия, и взаимный интерес, и те малозаметные предпочтения и антипатии, составляющие интимную сторону семейной жизни. То, что мы унаследуем имущество какого-то человека, а другого когда-нибудь будем провожать в последний путь – с социологической точки зрения все это включено в содержание понятий «семья» и «семейная жизнь», но для каждого из нас все это обычно остается глубоко в подсознании.

То же самое относится и к туземному сообществу, и если этнограф хочет представить читателю действительную жизнь туземцев, то он ни в коем случае не должен пренебрегать этим. Ни одного из аспектов – ни интимной, ни правовой сферы жизни – нельзя упустить из виду. Однако в существующих этнографических описаниях оба этих аспекта, как правило, не представлены, но представлен или тот, или другой из них, и до сих пор сфера интимной жизни почти не описывалась надлежащим образом. Во всех общественных отношениях помимо семейных связей, даже и в связях между членами одного племени и, кроме того, между враждующими и дружественными членами разных племен, сталкивающимися между собой в самых различных общественных делах, эта интимная сторона все равно существует, выражаясь в типичных деталях взаимного общения, в манере их поведения в присутствии друг друга. Эта сторона отличается от определенной, выкристаллизовавшейся правовой формы отношений, и поэтому ее следует изучать и описывать в собственных категориях.

Точно так же и при изучении заметных актов племенной жизни (таких, как церемонии, обряды, торжества и так далее) должен, помимо приблизительного очерка событий, учитываться и образ поведения. Важность этого можно проиллюстрировать одним примером. Много говорилось и писалось о пережитках. Однако реликтовый характер того или иного акта ни в чем так хорошо не выражается, как в сопутствующем ему поведении, в том, как он совершается.

Возьмем какой-либо пример из нашей собственной культуры, будь то помпезность и величие государственного торжества или какой-то живописный обычай уличных мальчишек. Внешнее проявление одного или другого ничего нам не скажет о том, все ли еще живет этот обычай в сердцах тех, кто его исполняет, или же они относятся к нему как к чему-то мертвому, сохраняющемуся в жизни лишь в силу традиции. Но если мы наблюдаем и фиксируем подробности поведения этих людей, то сразу становится очевидной степень жизненности данного акта. Нет сомнения, что со всех точек зрения социологического и психологического анализов, а также с точки зрения любого теоретического вопроса, необычайную важность имеют манера и тип поведения, наблюдаемые при исполнении того или иного акта. На деле же поведение является фактом, релевантным фактом – единственным, какой удастся описать. Поэтому неразумие и близорукость выказал бы тот исследователь, который бы прошел мимо целого класса явлений и упустил бы их из виду, даже если бы в данный момент он и не увидел, какую теоретическую пользу они могли бы принести.

Что же касается данного метода наблюдения и описания в ходе полевых исследований этих *не поддающихся учету факторов действительной жизни и типичного поведения*, то здесь нет сомнения, что личностная оценка наблюдателя присутствует здесь в гораздо большей степени, чем при собирании выкристаллизовавшихся этнографических данных. Но и здесь следует сделать все необходимое, чтобы позволить фактам говорить за себя. Если при ежедневном обходе деревни вы обнаруживаете, что некоторые мелкие происшествия, характерные особенности приема пищи, разговоров или выполнения работы (см., например, снимок III) повторяются снова и снова, то их следует немедленно зафиксировать. Важно и то, чтобы эта работа по собиранию и фиксированию впечатлений началась в ходе полевого исследования региона как можно раньше. Ведь некоторые тонкие особенности, которые производят впечатление только до тех пор, пока они новы, перестают замечаться тотчас же, как мы к ним привыкаем. Другие же особенности могут быть восприняты только тогда, когда мы лучше познакоимся с местными условиями. Этнографический дневник, который систематически ведется на протяжении всего времени работы в регионе, становится идеальным инструментом для подобного рода полевых исследований. И если одновременно с нормальным и типичным этнограф будет скрупулезно фиксировать малозаметные или более явные отклонения от этого, то ему удастся выделить две крайности, между которыми существует нормальное.

Наблюдая церемонии или другие племенные события (такие, например, как сцена, представленная на снимке IV), необходимо не только отмечать те события и детали, которые, согласно традиции и обычаю, составляют саму суть этого акта; этнограф должен еще и старательно, точно, одно за другим, отмечать и все действия исполнителей и зрителей. Забыв на какое-то время, что он знает структуру этой церемонии, лежащие в ее основе основные догматические представления, он должен попытаться ощутить себя участником этого собрания людей, ведущих себя серьезно или шутивно, углубленно-сосредоточенно или, наоборот, со скучающим легкомыслием, должен прийти в то же настроение, в каком эти люди бывают ежедневно, или же прийти в состояние перевозбуждения, и т. д., и т. д. Если его внимание будет постоянно направлено на этот аспект племенной жизни, если он постоянно будет пытаться зафиксировать его, выразить в терминах реальной жизни, то в его записях будет немало правдивого и выразительного. Тогда ему удастся поместить тот или иной акт в соответствующий контекст племенной жизни, то есть показать, является ли он исключительным или обычным, относящимся к рутинному поведению аборигенов, или же таким событием, которое преобразует все поведение в целом. А еще ему удастся рассказать об этом читателю ясно и убедительно.

И опять-таки, для этнографа будет полезным время от времени откладывать в сторону свой фотоаппарат, блокнот и карандаш и самому включаться в то, что происходит вокруг. Он может принять участие в играх и развлечениях туземцев, может следовать за ними, когда они идут в гости или на прогулку, может сидеть среди них, слушать их разговоры и принимать

в них участие. Я не уверен, что это одинаково легко для каждого (может быть, славянская натура более пластична и по естеству своему более «дикарская», чем западноевропейская), но хотя степень успеха может и меняться, сама попытка возможна для каждого. «Погружаясь» в жизнь туземцев (а я делал это часто не только в исследовательских целях, но и потому, что каждому нужно человеческое общество), я со всей очевидностью ощущал, что их поведение и образ жизни во всех видах племенных взаимодействий становились для меня более прозрачными и более понятными, чем прежде. Все эти методологические замечания читатель найдет документально подтвержденными в последующих главах.

VIII

И наконец, перейдем к изложению третьей и последней цели научно-полевых исследований, к последнему типу тех явлений, который должен быть зафиксирован для того, чтобы представить полную и адекватную картину туземной культуры. Помимо четкого представления о племенном устройстве и выкристаллизовавшихся элементах культуры, составляющих «скелет», помимо данных о повседневной жизни и обычном поведении, которые, так сказать, являются его «плотью и кровью», здесь надо запечатлеть еще и «дух» – воззрения, мнения и высказывания туземцев. Ведь в каждом акте племенной жизни имеется, во-первых, рутина, определяемая обычаем и традицией, затем тот способ, каким это осуществляется, и, наконец, тот комментарий к совершенному, который имеется в туземном сознании. Человек, вынужденный исполнять разнообразные предписанные обычаем обязанности; человек, следующий в своих действиях традиции, руководствуется определенным обычаем, соответствующим традиции, делает это по определенным мотивам, испытывает при этом определенные чувства и руководствуется определенными идеями. Эти идеи, чувства и импульсы формируются и обуславливаются той культурой, в которой мы их находим, и потому являются этнической особенностью данного общества. Значит, надо попытаться изучить и зафиксировать их.

Но возможно ли это? Не являются ли эти субъективные состояния слишком неуловимыми и бесформенными? Но даже если можно не сомневаться в том, что люди обычно чувствуют, мыслят или испытывают определенные психические состояния в связи с выполнением обычных действий, большинство из них все-таки наверняка не способны определить эти состояния, облечь их в слова. Последнее необходимо наверняка, и оно, пожалуй, является подлинным гордиевым узлом всех исследований по социальной психологии. Не пытаясь ни рассечь, ни развязать этот узел, то есть решить проблему теоретически или углубиться в сферу общей методологии, я непосредственно перейду к вопросу о практических способах преодоления некоторых сопряженных с этим трудностей.

Прежде всего необходимо заявить, что здесь мы собираемся изучать стереотипы мыслей и чувств. В качестве социологов мы не интересуемся тем, что А или Б могут чувствовать *как* индивиды в случайностях их личного существования – нас интересует лишь то, что они чувствуют и думают *как* члены данного сообщества. В этом смысле на их умственное состояние накладывается определенный отпечаток, оно становится стереотипическим отображением институтов, в рамках которых они живут, испытывает влияние традиции, фольклора и самого инструмента мышления – то есть языка. Та социальная и культурная среда, в которой они находятся, навязывает им определенный способ мышления и чувствования. Поэтому человек, живущий в обществе, где распространено многоженство, не испытывает таких чувств ревности, которые характерны для сурового приверженца моногамного брака, хотя определенные элементы этих чувств он может испытывать. Человек, живущий в сфере системы *кула*, не может постоянно связывать свои чувства с определенными предметами обладания, несмотря на то, что они являются для него высшей ценностью. Эти примеры чересчур приблизительные, но более точные примеры можно найти в тексте этой книги.

Итак, третья заповедь полевого исследования гласит: «Установи типичные способы мышления и чувствования, соответствующие институтам и культуре данного общества и как можно убедительней сформулируй результаты». Каким же методом здесь пользоваться? Лучшие исследователи-этнографы (здесь я опять имею в виду кембриджскую школу, с Хэддоном, Риверсом и Зелигманом, занимающими ведущее место в британской этнографии) всегда пытались дословно [*verbatim*] цитировать все имеющие ключевое значение высказывания. Они также приводили и термины туземной классификации – социологические, психологические и экономические *termini technici*, и передавали как можно более точно словесное выраже-

ние мыслей туземцев. В этом шаг вперед может сделать тот этнограф, который знает туземный язык и может использовать его в качестве инструмента полевого исследования. Работая с киривинским языком, я сталкивался с определенными трудностями, когда, делая записи, я вначале приводил высказывания туземцев в прямом переводе. Однако перевод зачастую лишал текст его значимой характеристики, уничтожая все его нюансы, так что постепенно некоторые важные обороты я стал записывать именно так, как они произносятся на туземном языке. По мере того, как мое знание языка прогрессировало, я стал писать по-киривински все больше и больше – до тех пор, пока однажды я не обнаружил, что пишу исключительно на этом языке, быстро, слово за словом, записывая каждое высказывание. Как только мне это удалось, я сразу же понял, что таким образом я одновременно добывал обильный лингвистический материал и ряд этнографических документов, которые должны быть воспроизведены в том виде, в каком я их зафиксировал, независимо от использования их в моих этнографических работах¹³. Этот *corpus inscriptionum Kiriwiniensium* может быть использован не только мною, но и всеми теми, кто в силу большей проницательности или способности интерпретировать их, может найти здесь такие моменты, которые ускользнули от моего внимания, подобно тому, как другие *corpora* составляют основу для различных интерпретаций древних и доисторических культур. Разница только в том, что все эти этнографические записи ясны и поддаются расшифровке: почти все они были недвусмысленно переведены и снабжены туземными перекрестными комментариями или *scholia*, полученными из живых источников.

Здесь уже нет надобности говорить на эту тему что-то еще, поскольку целая глава (глава XVIII) будет посвящена этой проблеме и проиллюстрирована несколькими туземными текстами. Сам *Corpus* будет, конечно, позднее опубликован отдельно.

---

¹³ Вскоре после того, как я освоил этот стиль работы, я получил письмо от д-ра А. Г. Гардинера (A. H. Gardiner), известного египтолога, призывавшего меня поступать именно так. Как археолог, он не может не видеть тех огромных возможностей, которые открываются перед этнографом, обладающим такого рода корпусом рукописных источников в той форме, в какой они дошли до нас от древних культур, плюс возможность прокомментировать их в свете собственного знания всей жизни изучаемой культуры.

IX

Итак, наши соображения показывают, что к цели этнографических исследований необходимо идти тремя путями:

1) *Организация племени и анатомия его культуры* должны быть представлены со всей определенностью и ясностью. Метод *конкретного статистического документирования* является тем средством, которым это должно быть достигнуто.

2) Эти рамки следует наполнить содержанием, которое складывается из *случайных, не поддающихся учету и определению факторов (imponderabilia) действительной жизни и типов поведения*. Они должны собираться путем тщательных, детализированных наблюдений в форме своего рода этнографического дневника, – что становится возможным благодаря тесному контакту с жизнью туземцев.

3) Собрание этнографических высказываний, характерных повествований, типичных выражений, фольклорных элементов и магических формул должно быть представлено как *corpus inscriptionum*, как документ туземной ментальности.

Эти три пути ведут к той конечной цели, которую этнограф никогда не должен упускать из виду. Суммируя, можно сказать, что этой целью является осмысление мировоззрения туземца, отношения аборигена к жизни, понимание *его* взглядов на *его* мир. Нам предстоит изучать человека, и нам нужно изучать то, что касается его самым непосредственным образом, все то влияние, которое оказывает на него жизнь. Ценности каждой культуры чем-то отличаются друг от друга; люди стремятся к разным целям, следуют разным влечениям, мечтают о разных формах счастья. В каждой культуре мы обнаруживаем различные институты, в рамках которых люди добиваются своих жизненных интересов, разные обычаи, посредством которых они осуществляют свои чаяния; разные правовые и моральные кодексы, которые поощряют за добродетели и наказывают за грехи. Изучать институты, обычаи и кодексы или изучать поведение и ментальность, не испытывая при этом желания почувствовать то, чем живут эти люди, постичь то, что составляет для них сущность счастья, – значит, по-моему, лишить себя самой лучшей из тех наград, которую только можно получить в результате изучения человека.

Эти общие соображения будут проиллюстрированы в следующих главах. Мы увидим дикаря, стремящегося к удовлетворению определенных желаний, к получению своих ценностей, следующего своим путем социальных амбиций. Мы увидим его идущим на опасные и трудные дела, ведомого традицией магических и героических поступков, мы увидим его под властью собственного романтического воображения. Быть может, чтение описаний этих далеких нам обычаев пробудит в нас чувство солидарности с усилиями и устремлениями аборигенов. Быть может, они откроют для нас само устройство человеческого мышления и приблизят к нам те его сферы, к которым мы до сих пор не приближались. Быть может, понимание человеческой природы в столь далекой и чуждой нам форме прольет свет и на нашу собственную. В этом и только в этом случае будет оправдана наша убежденность, что стоило приложить усилия, чтобы понять аборигенов, понять их институты и обычаи, и что от знакомства с *кула* мы получим определенную пользу.

Глава I

Страна и обитатели региона кула

I

Племена, живущие в сфере системы обмена *кула*, относятся (за исключением, может быть, туземцев с острова Россел, о которых почти ничего мы не знаем) к одной и той же расовой группе. Эти племена населяют самую восточную оконечность Новой Гвинеи и те разбросанные по океану острова, которые в форме вытянутого архипелага тянутся все в том же юго-восточном направлении, что и этот огромный остров, создавая как бы мост между ним и Соломоновыми островами.

Новая Гвинея – это гористый остров-континент, с трудно доступными центральными областями, а также некоторыми частями его побережья, где барьерные рифы, болота и скалы практически препятствуют туземным судам причаливать или даже просто приближаться. Очевидно, что такая местность не предоставляет одинаковых во всех ее частях условий для миграции, от которой, по всей вероятности, зависит сегодняшний этнический состав обитателей Южных Морей. Легкодоступные части побережья и соседние острова могли, наверняка, оказать гостеприимный прием мигрантам более высокого уровня; но, с другой стороны, высокие горы, непреодолимые преграды в виде болотистых равнин и тех участков побережья, причаливать к которым было трудно и опасно, создавали для местных жителей естественный заслон и сдерживали наплыв мигрантов.

Нынешний расовый состав Новой Гвинеи вполне подтверждает эти гипотезы. На карте II показана восточная часть главного острова и архипелагов Новой Гвинеи и расовый состав живущих здесь туземцев. Внутренние области острова-континента, низменные, заросшие саговыми пальмами болота и дельты залива Папуа (вероятно, большая часть южного и юго-западного побережья Новой Гвинеи) населены «относительно высокими, темнокожими и кудрявыми» людьми, принадлежащими к расе, названной д-ром Зелигманом «папуасской», тогда как в горных частях живут главным образом пигмейские племена. Мы мало знаем об этих людях, как о племенах, живущих на болотах, так и в горах, которые, вероятно, являются автохтонным элементом в этой части света¹⁴. Поскольку мы уже больше не встретим их в данной работе, перейдем к племенам, которые населяют доступные части Новой Гвинеи. «Восточные папуасы, то есть по большей части низкорослые и светлокожие люди с вьющимися волосами, обитающие на восточном полуострове и архипелагах Новой Гвинеи, требуют для своего названия особого термина, а поскольку подлинно меланезийский элемент у них преобладает – то их можно назвать папуа-меланезийцами. Д-р Хэддон (A. C. Haddon) первым признал, что восточные папуасы появились в этой местности в результате «меланезийской миграции на Новую Гвинею» и далее, что «единичное переселение не могло бы объяснить некоторых загадочных фактов»¹⁵. Папуа-меланезийцев в свою очередь можно разделить на две группы – на западную

---

¹⁴ К лучшим работам об островных племенах относятся следующие: *Williamson H.* The Mafulu, 1912; *Keysser C.* Aus dem Leben der Kaileute // *R. Neuhauss.* Deutsch Neu Ginea. Bd. III, 1911. Предварительные публикации Г. Ландтмана о Киваи (*Landtmann G.* Papuan Magic in Building of Houses // *Acta Arboenses, Humanora.* Vol. 1. Abo 1920; *The Folk-Tales of the Kiwai Papuans*, Helsingfors, 1917) позволяют ожидать, что более полное исследование рассеет ту тайну, которой окружен залив Папуа. А пока что неплохое полупопулярное описание этих туземцев можно найти в работе: *Beaver W.N.* Unexplored New Guinea, 1920. Лично я сильно сомневаюсь в том, что племена, живущие в горах, и племена, живущие на болотах, относятся к одной и той же расе и обладают одной и той же культурой. Ср. также недавнюю работу по этой проблеме: *Haddon A.C.* Migrations of Cultures in British New Guinea // *R. Anthropol. Institute. Huxley Memorial Lecture*, 1921.

¹⁵ Ср. *Seligman C.G.* The Melanesians of British New Guinea, Cambridge, 1910.

и восточную, которую, согласно терминологии д-ра Зелигмана, мы будем называть западными папуа-меланезийцами и массим, соответственно. С последними мы как раз и познакомимся чуть позже.

Если бросить взгляд на карту и отметить орографические особенности восточной Новой Гвинеи и ее береговой линии, то мы сразу заметим, что главная линия высоких гор внезапно обрывается между 149-м и 150-м меридианами и что окаймляющий риф исчезает там же, то есть на западной оконечности Залива Оранжереи (Orangerie Bay). Это означает, что крайняя восточная оконечность Новой Гвинеи вместе с ее архипелагами (или, иными словами, страна Массим), является самым доступным из регионов, и можно было бы ожидать, что они населены гомогенной группой людей, состоящей из иммигрантов, почти не смешавшихся с автохтонами (см. карта II). «И впрямь: в то время, как теперешние условия в регионе Массим наводят на мысль, что не было там никакого медленного смешивания пришельцев с жившими здесь людьми, географические же особенности территории западных папуа-меланезийцев – холмы, горы и болота – таковы, что пришельцы никак не могли быстро расселиться по стране, и не могли избежать влияния со стороны первоначальных обитателей...»¹⁶.

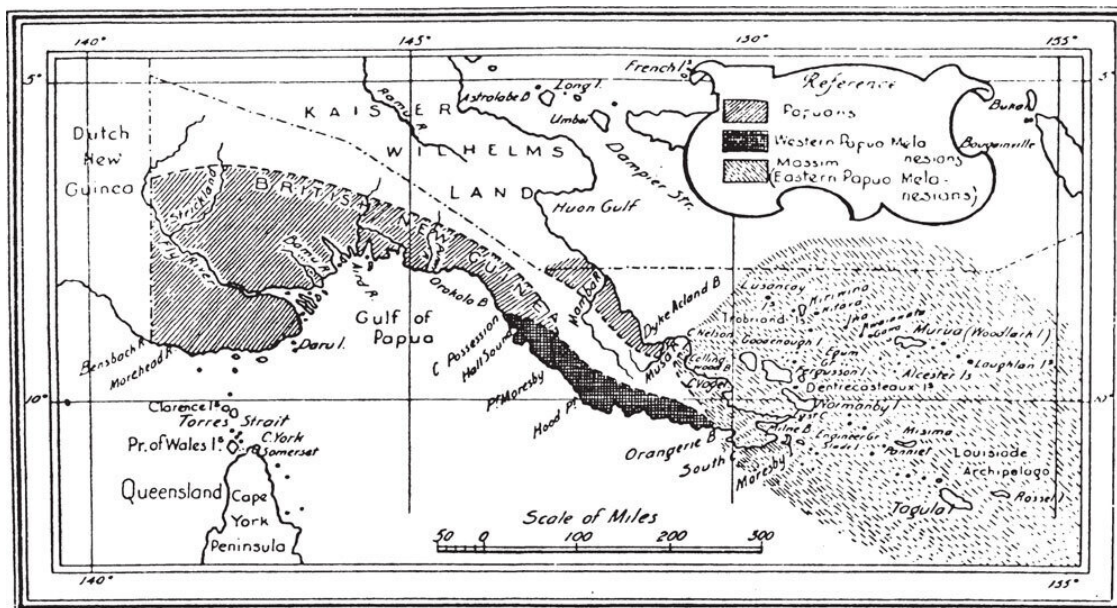
Я полагаю, что читателю известна цитируемая работа Зелигмана, в которой дан подробный отчет об основных типах папуа-меланезийской социологии и культуры. Однако племена восточного папуа-меланезийского ареала (или ареала массим) следует описать тут более детально, поскольку в этом относительно гомогенном районе имеет место обмен *кула*. И действительно: сфера влияния *кула* и этнографический район племен района Массим почти полностью совпадают, так что можно говорить о типе культуры *кула* и культуре массим как о понятиях почти синонимичных.

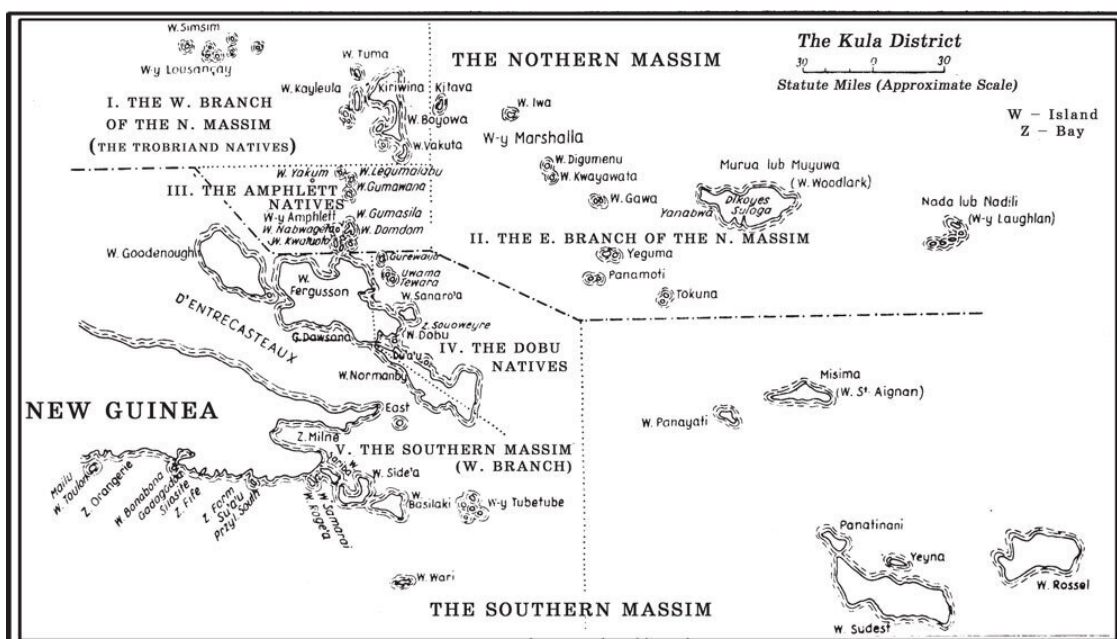
¹⁶ Ср. Seligman C.G. Op. cit. P. 5.

II

На карте III показан район действия *кула*, то есть самая восточная оконечность главного острова и архипелага, лежащие к востоку и северо-востоку от него. Как пишет проф. Зелигман, «эту территорию можно разделить на две части: меньшую северную, охватывающую как острова Тробриан, архипелаг Маршалла и остров Вудларк (Муруа), так и некоторое количество меньших островов, таких как Лафланские (Нада), и значительно большую южную часть, охватывающую остальные районы области Массим» (цит. соч., с.7).

Карта 2. Этническое деление восточной Новой Гвинеи

Карта 3. Регион кула

Это подразделение обозначено на карте III толстой линией, отделяющей к северу острова Амфлетт, Тробрианские острова, малую группу островов Маршалла Бенетта, остров Вудларк и группу Лафланских островов. Южную часть мне представляется удобным разделить еще на две подгруппы, что обозначено на карте вертикальной линией, в результате чего к востоку остаются остров Мисима (Misima), остров Сад-Ист (Sud Est) и остров Россел (Rossel Island). Поскольку мои сведения об этом районе весьма скудны, я предпочел исключить его из ареала южных массим. Из этого исключенного ареала в систему обмена *кула* входят только туземцы острова Мисима, однако их участие будет играть очень небольшую роль лишь в данной работе. Западный сегмент (а это именно та часть, о которой мы будем говорить как о регионе южных массим) прежде всего включает в себя восточную оконечность Новой Гвинеи с несколькими прилегающими островами: Сарива, Роге'а, Сиде'а и Басилаки: на юге – остров Вари, на востоке – важный, хотя и небольшой архипелаг Тубетубе (Инженерные острова), а на севере – большой архипелаг д'Антракасто (d'Entrecasteaux Islands). Из них нас особо интересует только один район – район Добу. Однородные в культурном отношении племена южной части Массим на нашей карте обозначены как район V, а племена Добу – как район IV.

Однако вернемся к главному подразделению на южную и северную часть. Северную часть населяет исключительно однородное и по языку, и по культуре население, четко осознающее свое собственное этническое единство. Цитирую профессора Зелигмана: «Оно характеризуется отсутствием каннибализма, который, пока он не был запрещен правительством, был распространен в оставшейся части этой области; другой особенностью северной части Массим является признание (в некоторых районах, хотя и не во всех) вождей, наделенных широкими правами» (op. cit., p.7). Туземцы этого района вели (я пишу «вели», поскольку войны уже отошли в прошлое) особого типа войну – войну открытую и рыцарскую, весьма отличную от набегов южных массим. Их деревни построены в форме больших компактных блоков с амбарами на сваях для хранения пищи. Амбары эти явно отличаются от их довольно убогих жилищ, которые возводятся не на сваях, а стоят прямо на земле. Как это видно на карте, было необходимо подразделить этих северных массим на три меньшие группы: первую образуют обитатели Тробрианских островов или туземцы с Бойова (западная ветвь), вторую – туземцы с острова Вудларк и архипелага Маршалла Бенетта (восточная ветвь), а третью – небольшая группа аборигенов с острова Амфлетт.

Вторую большую подгруппу племен *кула* образуют южные массим, среди которых, как уже было отмечено, нас интересует главным образом западное ответвление. Эти туземцы ниже ростом и, вообще говоря, имеют гораздо менее привлекательную внешность, чем северные массим¹⁷. Они живут в далеко друг от друга отстоящих поселках, где каждый дом или группа домов стоят отдельно, в собственном небольшом саду из пальм и плодовых деревьев. Некогда они были каннибалами и охотились за головами, совершая неожиданные набеги на враждебные племена. Института вождей у них нет, власть в каждом сообществе осуществляет старейшина. Они строят очень тщательно сконструированные и красиво декорированные дома на сваях.

В целях этого исследования мне было необходимо выделить в западном ответвлении южного района Массим два ареала (обозначенных как IV и V на карте III), поскольку они особенно важны в *кула*. И всё-таки следует помнить о том, что состояние наших знаний пока не позволяет дать какую-либо окончательную классификацию южных массим.

Такова, в нескольких словах, общая характеристика северных и южных массим соответственно. Однако прежде чем перейти к нашему предмету, было бы неплохо дать краткое,

¹⁷ Несколько хороших портретов южных массим можно найти в ценной книге преподобного Ньютона: In far New Guinea, 1914, а также в занятном, хотя поверхностном и зачастую неправдоподобном буклете преподобного Абеля из Лондонского миссионерского общества – Savage Life in New Guinea (без даты).

но детальное описание каждого из этих племен. Начнем с расположенной на крайнем юге группы, следуя в том порядке, в котором путешественник, плывущий из Порт Морсби (Port Moresby) на почтовом корабле, мог бы знакомиться с этими областями: ведь именно так я в самом деле получал мои первые впечатления о них. Однако же мое личное знакомство с различными племенами весьма неравномерно: оно основано на длительном проживании среди Тробрианских островитян (район I), на одномесячном изучении на островах Амфлетт (район III); на длившемся всего несколько недель пребывании на острове Вудларк или Муруа (район II), по соседству с Самараи (район V), и южном берегу Новой Гвинеи (также район V), а еще на трех кратких визитах на Добу (район IV). Мое знакомство с иными из остальных местностей, входящими в систему *кула*, основано лишь на нескольких разговорах, которые я вел с туземцами этого района, и на информации из вторых рук, полученную от живущих здесь белых людей. Однако работа профессора Зелигмана служит дополнением к моему знанию этих областей (по крайней мере, таких районов, как Тубетубе, остров Вудларк, архипелаг Маршалла Бенетта и еще нескольких других, которые нас здесь интересуют).

Таким образом, целостное описание *кула* будет дано с точки зрения, так сказать, Тробрианского района. Этот район часто называется в этой книге его туземным именем – Бойова, а язык, на котором тут говорят, – кивинским. Кивина – это главная провинция этого района, и ее диалект считается аборигенами языком стандартным. Однако я должен сразу же добавить, что, исследуя здесь систему *кула*, я *ipso facto* изучал и ее ближайшие ответвления, имеющие место между Тробрианами и островами Амфлетт, между Тробрианами и Китава, а также между Тробрианами и Добу: наблюдал не только за приготовлениями к экспедициям и за отправкой с острова Бойова, но также и за прибытием туземцев из других районов, причем, в одной-двух таких экспедициях я участвовал лично¹⁸. Более того, поскольку *кула* – это предприятие межплеменное, туземцы одного племени знают об обычаях *кула* за пределами своего района гораздо больше, чем о чем-либо другом. Кроме того, в основных своих чертах обычаи и племенные правила обмена во всем регионе *кула* одни и те же.

---

¹⁸ См. таблицу во введении (стр., а также главы XVI и XX).

III

Представим себе, что мы плывем по морю вдоль южного побережья Новой Гвинеи по направлению к ее восточной оконечности. Примерно посреди залива Оранжереи мы подплываем к границе Массим, которая начинается от этого места, тянется в северо-западном направлении вплоть до северного побережья около мыса Нельсона (см. карту II). Как уже отмечалось выше, границы заселенного этим племенем района соответствуют определенным географическим условиям, то есть отсутствию естественных внутренних барьеров или каких-нибудь иных препятствий, затрудняющих причаливание. И впрямь: именно здесь Большой Барьерный Риф (Great Barrier Reef) в конце концов исчезает в море, а тянувшийся до сих пор главный горный массив (Main Range), неизменно отделяемый от побережья маленькими цепями гор, заканчивается.

Залив Оранжереи (Orangerie Bay) замыкается со стороны мыса, с востока, рядом окаймляющих берег холмов, поднимающихся прямо из моря. По мере того как мы приближаемся к матерiku, перед нами отчетливо вырисовываются крутые складчатые склоны, покрытые густыми, буйными джунглями, среди которых то здесь, то там сверкают рельефные участки травы лаланг. Береговая линия в начале пересекается рядом небольших заливов или лагун, а потом, за заливом Файф (Fife Bay) мы видим один или два больших залива с равнинным аллювиальным побережьем, а затем, от Южного Мыса (South Cape), побережье несколько миль тянется почти ровной линией до конца континента.

Восточная оконечность Новой Гвинеи – это тропики, где различие между засушливым и влажным временем года ощущается не очень отчетливо. Да и впрямь: резко выраженного засушливого сезона там нет, так что земля всегда покрыта сочной блестящей зеленью, создающей резкий контраст с синевой моря. Вершины гор зачастую окутаны стелющейся мглой, а белые облака нависают или плывут над морем, нарушая монотонность насыщенных и густых цветов – синего и зеленого. Тому, кто не видел пейзаж южных морей собственными глазами, трудно передать это постоянное впечатление улыбающейся праздничности, чарующей ясности побережья, окаймленного зарослями пальм и других деревьев, и обрамленных белой пеной и синим морем, и высящихся над ним холмов, поднимающихся роскошными, плотными складками темной и светлой зелени, пятнами пестреющей в тени вершин и окутанных парообразной тропической дымкой.

Впервые я плыл вдоль этого побережья тогда, когда завершилось мое длившееся несколько месяцев пребывание и полевые исследования в соседнем районе маилу. С острова Тулон (Toulon Island) – главного центра и самого значительного поселения маилу – я обычно смотрел в направлении восточной оконечности залива Оранжереи, а в погожие дни мне удавалось рассмотреть пирамидальные холмы Бонабона на Гадогадо'а, высящиеся на горизонте синими силуэтами. Под влиянием своих исследований я стал смотреть на этот край с какой-то узкой точки зрения аборигена и считать его далекой страной, куда предпринимаются опасные сезонные экспедиции, откуда доставляются кое-какие вещи – корзины, декоративная резьба, оружие, украшения, – особенно хорошо изготовленные и лучшие по качеству, чем местные; я смотрел на этот край как на страну, на которую туземцы показывали с ужасом и недоверием, когда речь заходила об особенно злостных и опасных формах черной магии, – как на страну, населенную людьми, о которых с ужасом говорили как о каннибалах. Все, что в культуре маилу, в резных украшениях, было отмечено художественным вкусом, – все это непосредственно привозилось с востока или было подражанием тому, что есть на востоке, и я даже находил, что самые нежные и самые мелодичные песни, самые изысканные танцы были заимствованы от массим. Многие из их обычаев и установлений назывались мне в качестве примера чего-то диковинного и необычного, что возбудило мой интерес и мое любопытство как этнографа,

работающего на границе двух культур. Создавалось такое впечатление, что люди с востока, когда я их сравнивал с довольно коренастыми грубоватыми туземцами маилу, должны быть гораздо сложнее, чем, с одной стороны, жестокие дикари-людоеды, и, с другой, чем наделенные тонкостью чувств поэтические владыки первозданных лесов и морей. А потому неудивительно, что, приближаясь к их побережью (на этот раз я плыл в маленькой шлюпке), я вглядывался в этот пейзаж с живым интересом и, сгорая от нетерпения, дожидаясь того момента, когда я впервые увижу туземцев или их следы.

Первыми четко различимыми признаками присутствия людей в этих краях стали клочки земли, обработанные под огороды. Эти большие, в форме треугольника, с устремленной вверх вершиной вырубки казались будто наклеенными на крутые склоны. С августа по ноябрь, в ту пору, когда туземцы рубят и сжигают кустарники, их можно увидеть ночью при свете медленно горящих сучьев, и днем, когда дым стелется над вырубками и медленно плывет вдоль холмов. Позднее, в течение года, когда начинают прорастать растения, вырубки видятся ярким пятном.

Деревни в этом районе встречаются только на побережье, у подножия холмов. Они прячутся в рощах, посреди которых то тут, то там из-под темной зелени листьев просвечивают золотистые или пурпурные пальмовые крыши. В штиль несколько лодочек наверняка качаются на волнах где-то поблизости: из них ловят рыбу. Если посетителю посчастливится попасть сюда во время праздников, торговых экспедиций или каких-либо больших племенных сходов, то ему, наверное, удастся увидеть множество изящных мореходных лодок, приближающихся к деревне под мелодичные звуки сигнальных раковин.

Чтобы посетить одно из типичных крупных поселений этих туземцев (ну, скажем, вблизи залива Фифе на южном побережье или на острове Сариба и Роге'а), лучше всего будет высадиться на берег в каком-нибудь большем защищенном заливе или на одном из просторных пляжей у подножия гористого острова. Тогда мы окажемся в светлой высокой роще из пальм, хлебных, манговых и других плодовых деревьев, зачастую растущих на песчаной подпочве, хорошо прополотой и чистой, где группами растут декоративные кусты – такие, например, как усыпанный красными цветами гибискус, кротон или пахучий кустарник. Здесь же расположена деревня. Приводят в восхищение стоящие на высоких сваях посреди лагуны жилые дома моту, и опрятные улицы поселка маилу на побережье Арома, и группы беспорядочно скученных небольших хижин на побережье Тробрианских островов: все это по своей живописности и очарованию не идет ни в какое сравнение с деревней южных массим. Когда в жаркий деньходишь в густую тень плодовых деревьев и пальм и оказываешься посреди замечательно спланированных и украшенных домов, которые кучками прячутся в зелени в окружении маленьких декоративных садиков с ракушками и цветами, с окаймленными галькой дорожками и с выложенными камнями круглыми сидениями – возникает впечатление, будто представления об изначальной, счастливой и дикой жизни вдруг стали реальностью, пусть и ненадолго, в кратком, мимолетном впечатлении. Большие лодки вытащены далеко на берег и прикрыты пальмовыми листьями; тут и там сушатся растянутые на специальных подставках сети, а на помостах перед домами группами сидят мужчины и женщины: они заняты какими-то домашними делами, курят или беседуют.

Гуляя по тропинкам протяженностью в несколько миль, мы через каждые несколько сот ярдов встречаем новый хутор из нескольких домов. Некоторые из них построены, как видно, совсем недавно, тогда как другие заброшены, а лежащие на земле груды поломанной домашней утвари свидетельствуют о том, что смерть одного из деревенских старейшин вынудила людей оставить дом. С наступлением вечера жизнь в деревне оживляется, разжигаются костры, туземцы занимаются приготовлением и принятием пищи. С наступлением времени плясок, ближе к закату, мужчины и женщины собираются вместе, чтобы петь, плясать и бить в барабаны.

Если подойти к туземцам поближе и присмотреться к их внешности, то она нас поразит (в сравнении с их западными соседями) совершенно светлой кожей: они коренасты и даже приземисты и в целом производят впечатление людей слабых, почти изнуренных. Толстые, широкие лица, их приплюснутые носы и их зачастую раскосые глаза производят скорее забавное и нелепое, чем поистине дикарское впечатление. Волосы у них не такие густые, как у чистокровных папуасов, но они и не растут в виде огромных нимбов, как у туземцев моту: они носят их большими космами, которые они зачастую подстригают по бокам, что придает голове продолговатую, почти цилиндрическую форму. Они робки и застенчивы, но не недружелюбны – скорее улыбчивы и почти угодливы, что являет огромный контраст в сравнении с угрюмыми папуасами или недружелюбными, скрытными майлу арома с южного побережья. В целом, при первом приближении, они производят впечатление не столько неотесанных дикарей, сколько самодовольных буржуа.

Их украшения исполнены не так тщательно и не так ярко разукрашены, как у западных соседей. Сплетенные из темно-коричневых побегов папоротника пояса и браслеты, маленькие красные диски из раковин и кольца из черепахового панциря в качестве украшений для ушей – это единственное, что они носят каждый день. Как и все меланезийцы восточной Новой Гвинеи, они достаточно опрятны, так что общение с ними не оскорбляет ни одного из наших чувств. Они очень любят вплетать в волосы красные цветы гибискуса, носить на головах венки из пахучих цветов и вплетать ароматные листья в пояса и браслеты. Их огромные праздничные головные уборы необычайно скромны по сравнению с теми высокими украшениями из стоячих перьев, которые носят западные племена, и состоят главным образом из вплетенного в волосы круглого венчика из белых перьев какаду (см. снимки V и VI).

В прежние времена, до появления здесь белых людей, эти приятные, внешне изнеженные люди были завзятыми каннибалами и охотниками за головами; на своих больших военных судах они совершали коварные, жестокие набеги, нападали на спящие деревни, убивали мужчин, женщин и детей и лакомились их телами. Приятного вида каменные круги в их деревнях связаны именно с этими каннибальскими пиршествами¹⁹.

Путешественника, который имел бы возможность поселиться в одной из деревень и оставаться там достаточно долго, чтобы изучать их обычаи и погружаться в их племенную жизнь, вскоре поразило бы отсутствие явно признанной централизованной власти. Однако в этом здешние туземцы похожи не только на других западных меланезийцев Новой Гвинеи, но и на аборигенов меланезийского архипелага. Власть в племени южных массим, как и во многих других племенах, осуществляют деревенские старейшины. В каждой деревне старейший из мужчин занимает положение, которому присущи личное влияние и власть; во всех случаях коллектив старейшин представляет племя: они принимают и проводят в жизнь решения, делая это, однако, в строгом соответствии с племенными традициями.

Более глубокие социологические исследования выявили бы характерный для этих туземцев тотемизм, а также матрилинейную структуру их общества. Происхождение, право наследования и общественное положение передаются по женской линии: мужчина всегда принадлежит к материнской тотемической и локальной группе и наследует брату матери. Женщины, кроме того, обладают исключительно независимым положением, и к ним необыкновенно хорошо относятся, а в племенных делах и на празднествах они играют выдающуюся роль (см. снимки V и VI). А некоторые из них обладают еще и важным влиянием благодаря присущей им магической силе²⁰.

Сексуальная жизнь этих туземцев в высшей степени свободна. Даже если вспомнить чрезвычайную свободу правил сексуальной морали у меланезийских племен Новой Гвинеи

¹⁹ См.: *Seligman C.G.* Op. cit. Ch. XL, XLII.

²⁰ См. *Seligman C.G.* Op. cit. Ch. XXXV, XXXVI, XXXVII.

(таких как моту или маилу), то все же надо признать этих туземцев исключительно раскованными в этом вопросе. Некоторые ограничения и видимые условности, которые обычно соблюдаются в других племенах, здесь игнорируются совершенно. Как это, вероятно, имеет место в тех многих сообществах, где правила сексуальной морали весьма свободны, так и здесь полностью отсутствуют противоестественные виды половой связи и сексуальные извращения. Брак заключается в качестве естественного завершения длительной любовной связи²¹.

Эти туземцы – умелые и трудолюбивые ремесленники и замечательные торговцы. У них есть большие мореходные суда, которые, однако, они не делают сами, но приводят их из района южных массим, или с Панаяти. Другой особенностью их культуры, с которой мы еще встретимся позже, являются большие празднества под названием *Со'и* (см. снимки V и VI), связанные с погребальными обрядами и с особым, имеющим отношение к смерти табу под названием *гвара*. В большой межплеменной торговле *кула* эти праздники играют значительную роль.

Это общее и по необходимости несколько поверхностное описание имеет целью дать читателю определенное представление об этих племенах и скорее познакомить его, так сказать, с их физиономией, чем представить полную картину их племенной структуры. Читателя, желающего получить об этом более полные данные, отсылаем к работе проф. К. Г. Зелигмана – основному источнику наших знаний о меланезийцах Новой Гвинеи. Выше приведенный очерк относится к тем туземцам, которых проф. Зелигман называет южными массим, или точнее, к жителям той области, которая обозначена на этнографической схематической карте номер III как «V, южные массим» – к людям, населяющим самую восточную часть острова-континента и прилегающего архипелага.

---

²¹ См.: *Seligman C.G.* Op. cit. Ch. XXXVII, XXXVIII.

IV

А теперь продвинемся севернее, в направлении района, обозначенного на нашей карте как «IV Добу» и являющегося одним из важнейших звеньев в цепи системы *кула* и очень влиятельным центром культурного воздействия. Когда мы плывем к северу мимо Восточного Мыса (East Cape), самой восточной оконечности главного острова – этого длинного, плоского мыса, поросшего пальмами и плодовыми деревьями и дающего приют довольно плотному населению, – перед нами открывается новый мир, новый как в географическом, так и в этнографическом отношениях. В начале это всего лишь неясный, синеватый, подобный тени далекой горной цепи силуэт, парящий над горизонтом на самом севере. По мере приближения холмы Норманби, ближайшего из трех больших островов архипелага д'Антраксто, видятся все отчетливее и обретают более определенную форму. Несколько высоких вершин вырисовываются определеннее, возникая из обычной здесь тропической дымки, а среди них выделяется характерная двойная вершина Бвебвесо – горы, на которой, согласно местной легенде, духи здешних умерших ведут свое посмертное существование. Южное побережье и внутренние области Норманби населены племенем или племенами, о которых с этнографической точки зрения мы не знаем ничего, за исключением того, что в культурном отношении они отличны от своих соседей. Эти племена также не принимают в обмене *кула* непосредственного участия.

Северная оконечность Норманби, обе стороны пролива Доусона (Dawson Straits), который разделяет два острова Норманби и Фергюссон и северо-восточный мыс острова Фергюссон, населены очень важным для нас племенем – добу. В центре этого района находится небольшой потухший вулкан, образующий остров на востоке – там, где он вдается в пролив Доусона: это Добу, по имени которого названы и другие острова. Чтобы попасть на Добу, мы должны переплыть через этот исключительно живописный канал. По обеим сторонам узкой, извилистой протоки высятся зеленые склоны, окружающие ее так, что она скорее напоминает горное озеро. Тут и там они отступают, образуя лагуну, а потом опять поднимаются в виде совершенно отвесных склонов, на которых можно отчетливо увидеть треугольные огороды, туземные дома на сваях, большие пространства девственных джунглей и зеленые лужайки. По мере нашего продвижения узкая протока расширяется, и по правой стороне мы видим широкие склоны горы Суломона'и на острове Норманби. С левой стороны у нас мелкая бухта, а за ней – широкая плоская равнина, протянувшаяся далеко в глубь острова Фергюссон, а над ней – широкие долины и далекие горные цепи. За следующим поворотом мы влетаем в большой залив, по обеим сторонам окаймленный плоским побережьем, посреди которого поднимается кольцо тропической растительности, складчатый конусообразный потухший вулкан – остров Добу.

Теперь мы находимся в центре густо населенного и важного с точки зрения этнографии района. С этого острова в давние времена время от времени отправлялись экспедиции жестоких и смелых людоедов и охотников за головами, наводившие ужас на соседние племена. Туземцы находящиеся в непосредственной близости районов – равнинного побережья по обе стороны пролива и соседних больших островов – были их союзниками, но районы более отдаленные (зачастую расположенные более чем в 100 морских милях) никогда не чувствовали себя в безопасности от туземцев Добу. Добу был и все еще остается одним из главных звеньев в *кула*, центром торговли и ремесла, центром значительного культурного влияния. Свидетельством интернациональной роли добу является то, что их языком пользуются как *lingua franca* на всем архипелаге д'Антраксто, на островах Амфлетт, и даже на далеких северных Тробрианых. В южной части Тробриан почти каждый туземец говорит по-добуански, хотя на Добу мало кто знает тробрианский или киривинский язык. Это весьма примечательный факт, который нелегко объяснить нынешними условиями, поскольку тробрианцы сейчас достигли более

высокого уровня культурного развития, нежели добу; они более многочисленны и повсеместно обладают тем же авторитетом²².

Другим заслуживающим внимания фактом относительно Добу и его района является то, что здесь имеется много того, что представляет особый интерес с точки зрения мифологии. Его пленительная красота – красота конусообразных вулканов, широких спокойных заливов, красота лагун с нависшими над ними величественными зелеными горами и с усеянным рифами и островками океаном на севере – все это имеет для туземца глубокий легендарный смысл. Именно в этой стране и в этих морях мореходы и герои далекого прошлого, вдохновленные магией, совершали отважные, свидетельствующие об их силе подвиги. Выходя из пролива Доусона и проплывая на Бойова через Добу и острова Амфлетт, мы видим пейзаж, почти каждая часть которого была когда-то местом действия какого-то легендарного подвига. Здесь узкое ущелье было проломано летевшим волшебным судном. Вот эти две выступающие из моря скалы являются окаменевшими телами двух мифических героев, которые были выброшены сюда после битвы. А вот здесь вдающаяся в берег лагуна стала прибежищем мифического экипажа. Независимо от этих легенд, этот прекрасный пейзаж перед нами обретает еще большее очарование потому, что еще и сегодня он – далекое Эльдorado, земля обетованная и страна надежды для многих поколений по-настоящему отважных мореходов с северных островов. А в прошлом эти берега и моря были, судя по всему, местом миграций и битв, племенных нашествий и постепенного проникновения народов и культур.

Что касается внешнего вида, то добу представляют собой особый антропологический тип, резко отличающийся от южных массим и тробрианцев; темнокожие, небольшого роста, большоголовые и сутулые, сначала они производят странное впечатление своим сходством с гномами. Однако и в их поведении, и в их племенном характере есть что-то определенно приятное, честное и открытое – впечатление, которое еще подтверждается и укрепляется при длительном знакомстве с ними. Они – повсеместные любимчики белых людей; они становятся лучшими и самыми надежными слугами, а те купцы, которые долго среди них жили, считают их не в пример лучше других.

Их деревни, подобно описанным выше поселкам массим, разбросаны на обширных пространствах. Те плодородные и равнинные побережья, на которых они обитают, усеяны маленькими, компактными поселками с дюжиной (или около того) домов каждый, скрывающихся в зарослях непрерывных плантаций плодовых деревьев, пальм, бананов и ямса. Дома построены на сваях, но по своему архитектурному облику они грубее, чем у южных массим, и почти совсем лишены каких бы то ни было украшений, хотя в прежние времена охоты за головами некоторые из них были украшены человеческими черепами.

Что касается социального строя, то этому народу свойствен тотемизм, он разделен на некоторое количество связанных общими тотемами экзогамных кланов. Здесь нет института постоянных вождей, нет никакой системы рангов или каст, наподобие той, которую мы встретим на Тробрианах. Власть принадлежит старейшинам племени. В каждом поселке есть человек, обладающий здесь самым большим влиянием и действующий как представитель своего общества на тех племенных советах, которые могут созываться в связи с церемониями и экспедициями.

Система родства у них строится по материнской линии, общественное положение женщин очень хорошее, и женщины весьма влиятельны. Они, судя по всему, играют здесь более постоянную и заметную роль в жизни племени, чем это имеет место у живущих по сосед-

---

²² Мое знакомство с Добу фрагментарно; оно основано на трех кратких посещениях этого округа, на разговорах с теми туземцами из Добу, которые мне прислуживали, а также на частых сравнениях и аллюзиях на тему добуанских обычаев, о которых я слышал в ходе полевых исследований на южных Тробрианах. Существует краткое, схематическое описание некоторых их обычаев и верований, принадлежащее преподобному W. E. Bromilko, первому миссионеру на Добу (с ним я также консультировался) и в материалах Австралийской ассоциации содействия науке.

ству. Примечательна одна из черт общества добу, которая, судя по всему, поражает тробрианцев как нечто особенное и на что они, сообщая те или иные сведения, непременно обратят внимание, хотя и на Тробрианах женщины тоже занимают достаточно хорошее социальное положение: на Добу женщины играют важную роль в земледелии и участвуют в обрядах земледельческой магии, что уже само по себе дает им высокий общественный статус. Да и главный инструмент осуществления власти и определения наказаний в этих местах, колдовство, находится – в значительной мере – в руках у женщин. Летающие ведьмы, столь характерные для культуры восточной Новой Гвинеи, имеют здесь один из своих оплотов. Этой проблемой мы еще займемся подробнее, когда будем говорить о кораблекрушении и опасности плаваний. Кроме того, женщины осуществляют здесь и ту обычную магию, которая в других племенах является исключительной прерогативой мужчин.

Как правило, высокое положение женщин в туземных обществах связано с сексуальной свободой. Однако в этом отношении добу являются исключением. Требуют верности не только от замужних женщин (причем прелюбодеяние считается большим преступлением), но, в отличие от всех окружающих племен, и незамужние добуанские девушки строго сохраняют целомудрие. Там нет церемониальных или установленных обычаем форм распущенности, и всякая интрижка наверняка будет признана преступлением.

Еще несколько слов следует сказать о колдовстве, поскольку в межплеменных отношениях оно имеет огромное значение. Страх перед злыми чарами огромен, а когда туземцы посещают далекие земли, он усиливается еще больше, соединяясь со страхом перед неизвестным и чуждым. Кроме летающих ведьм на Добу есть также мужчины и женщины, которые, благодаря своему знанию магических заклятий и обрядов, могут наводить болезни и вызывать смерть. Методы, применяемые этими колдунами, и вырастающие вокруг них поверья во многом такие же, как у тробрианцев (о чем будет идти речь ниже). Этим методам характерны большая рациональность и непосредственность и почти полное отсутствие всяких сверхъестественных элементов. Колдун должен произнести заклинание над некоторым веществом, которое потом должно быть съедено или сожжено в очаге в хижине жертвы. В некоторых обрядах принято использовать специальную палку (инкульту), которой указывают на жертву.

Если сравнить эти методы с теми, какими пользуются летающие ведьмы, которые съедают сердца и легкие, пьют кровь и ломают кости своим врагам, но остаются при этом невидимыми и летающими, то в распоряжении у добуанского колдуна имеются простые и грубоватые средства. Ему очень далеко до своих тезок среди майлу и моту (я пишу «тезок», поскольку маги у всех массим называются *бара'у*, и то же слово употребляется среди майлу, тогда как моту используют удвоение *бабара'у*). Маги в этих местах пользуются такими мощными методами, как убийство жертвы, вскрытие тела, извлечение, раздирание и околдовывание внутренностей, а потом возвращение жертвы снова к жизни – но только она вскоре может заболеть и окончательно умерет²³.

В соответствии с добуанским поверием, души умерших отправляются на вершину горы Бвебвесо на острове Норманби. В этом особом месте находят пристанище тени практически всех туземцев архипелага д'Антраксто, за исключением обитателей острова Северный Гудинаф (*Good-enough*), которые, как говорили мне некоторые местные жители, после смерти отправляются в тробрианскую страну духов²⁴. Добу верят также и в существование двух душ – одной в виде тени и безличностной, живущей после смерти тела всего несколько дней и остающейся поблизости могилы, и другой души – настоящего духа, который отправляется на Бвебвесо.

Интересно заметить, как туземцы, живущие на границе двух культур и двух типов верований, относятся к возникающим на этой почве различиям. Туземец, скажем, южной части

²³ Seligman C.G. Op. cit. P. 170–171, 187–188; о Коита и Моту см. также: Malinowski B. The Mailu. P. 647–652.

²⁴ Ср.: Jenness D., Ballantyne A. The Northern d'Entrecasteaux. Oxford, 1920. Ch. XII.

Бойова, если задать ему вопрос: «Как это так, что страной духов для добу является Бвебвесо, тогда как тробрианцы помещают ее на Тума? – не увидит в разрешении этой проблемы никакой трудности. Он не считает, что это различие влечет за собой какое-то догматическое противоречие в самом учении. Он просто ответит: «Их мертвые отправляются на Бвебвесо, а наши – на Тума». Метафизические законы существования еще не считаются подчиненными какой-то единой неизменной истине. Человеческие судьбы изменяются в жизни применительно к различным племенным обычаям, но то же самое происходит и с духами! Здесь мы наблюдаем возникновение интересной теории, призванной гармонизировать эти поверия в смешанных случаях. Существует поверие, что если тробрианец умрет на Добу во время экспедиции *кула*, то на некоторое время он попадет на Бвебвесо. В определенное время духи тробрианцев приплывут на Бвебвесо из страны теней Тума, а недавно умерший присоединится к их экипажу и поплывет с ними назад, на Тума.

Оставив Добу, мы выплываем в открытое море; здесь оно усеяно коралловыми рифами и песчаными отмелями, пересекаемыми длинными рифовыми барьерами, где предательские морские течения, достигающие иногда скорости в пять морских узлов, делают плавание действительно опасным – а особенно для совершенно незащищенных туземных лодок. Это и есть море *кула*, арена тех межплеменных морских путешествий и приключений, которые станут предметом наших дальнейших описаний.

Восточный берег острова Фергюссон вблизи Добу, вдоль которого мы плывем, состоит сначала из череды конических вершин вулканов и мысов, придающих пейзажу вид чего-то незаконченного и произвольно соединенного. У подножий холмов на протяжении нескольких миль за Добу тянется широкая аллювиальная равнина, на которой расположены деревни – Деиде’и, Ту’утана, Бвайова: все они являются важными центрами торговли и местом обитания непосредственных партнеров тробрианцев в обмене *кула*. Над зарослями стелются тяжелые испарения от горячих гейзеров Деиде’и, которые каждые несколько минут изрыгают высокие струи воды.

Вскоре мы оказываемся на уровне двух стоящих рядом характерного вида темных скал: одна из них наполовину скрыта среди растительности побережья, а вторая стоит в море на конце узкой косы, разделяющей обе скалы. Это Ату’а’ине и Атурамо’а – двое мужчин, обращенных в камень, как гласит мифологическая традиция. Здесь большие мореходные экспедиции (как те, что отправляются в северном направлении с Добу, так и те, которые прибывают с севера), и по сей день, как это делалось веками, задерживаются и, соблюдая многочисленные табу, приносят жертвенные дары камням, что сопровождается ритуальными просьбами об успехе в торговле.

С подветренной стороны этих двух скал находится бухточка с чистым песчаным пляжем под названием Сарубвойна. Здесь посетитель, которому повезет попасть сюда в подходящий момент и в подходящее время года, станет свидетелем живописной и интересной сцены. Он увидит огромную флотилию, в состав которой входит от пятидесяти до ста судов, бросивших якоря на мелководье. На этих судах – множество туземцев, занятых каким-то странным, таинственным делом. Некоторые из них, склонившись над кучами травы, бормочут какие-то заклинания, а другие разрисовывают и украшают свои тела. Тот, кто наблюдал ту же сцену два поколения назад, решил бы, что он наблюдает за подготовкой к какому-то драматическому столкновению племен – к одной из тех больших атак, которые могут положить конец существованию целых деревень или даже племен. По поведению туземцев было бы трудно установить, что руководит ими больше – страх или агрессивность, поскольку и то, и другое одинаково чувствуется и в их поведении, и в их движениях. Однако эта сцена не содержит в себе ничего воинственного; этот флот прибыл сюда, преодолев около ста миль для того, чтобы нанести тщательно продуманный племенной визит; они собрались здесь для последних и важнейших приготовлений, но все это нелегко угадать. Сегодня (поскольку теперь это совершается все

с той же пышностью) это было все таким же живописным, хотя и более спокойным зрелищем, поскольку из туземной жизни исчезла романтика риска и опасности. По мере того, как в ходе этого полевого исследования мы будем узнавать об этих туземцах все больше и больше – узнавать об их образе жизни и обычаях (а особенно о совокупности верований, идей и чувств, связанных с *кула*), мы будем обретать возможность все более глубокого понимания этой сцены, осознавая это сложное смешение страха с сильным, почти агрессивным азартом и рвением – смешение запуганности и воинственности.

V

Оставив позади Сарубвойна и обогнув мыс с двумя скалами, мы видим перед собой остров Санароа – большую, протяженную коралловую равнину с чередой вулканических гор на западной стороне. Широкая лагуна у восточной стороны этого острова – это рыболовное угодье, где год за годом тробрианцы, возвращаясь с Добу, ищут ценные раковины спондилуса, из которых по возвращении домой они изготавливают красные диски, являющиеся одним из главных предметов туземного богатства. На севере Санароа в одной из образованных приливом бухт находится камень, называемый Синатемубадийе'и – по имени женщины, сестры Ату'а'ине и Атурамо'а, которая прибыла сюда вместе с братьями и перед последним этапом путешествия была превращена в камень. И здесь тоже задерживаются лодки, следующие в обоих направлениях экспедиций *кула*; и она тоже принимает подношения.

Если мы поплывем дальше, то слева перед нами откроется прекрасный вид там, где высокая горная цепь подходит к морскому берегу ближе и где сменяют друг друга малые заливчики, глубокие долины и поросшие лесом склоны. Внимательно обозревая эти склоны, можно увидеть маленькие группки из трех-шести жалких хижин. Здесь обитают местные жители, которые в культурном отношении значительно ниже добу: они не принимают участия в *кула*, а в старину они были запуганными и несчастными жертвами своих соседей.

С правой стороны за Санароа вырисовываются острова Увама и Тевара, последний из которых населен туземцами добу. Тевара интересен нам потому, что один из тех мифов, с которым мы познакомимся позже, называет его колыбелью *кула*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.